

ЕВРЕЙСКИЙ ДАМЕРТОН

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Микки ВУЛЬФ

Новая Скошия, Канада. Скошенный резкий дождь. Ветер раскачивает громадные сосновые ветви, переворачивает, крутит и плещет во все стороны рябиновыми кистями. Я стою на веранде под узким навесом крыши, гашу сигарету об каблук. Думаю о том, что скоро умирать, а забрать все это с собой не получится.

Рядом огромный черный пес, по преимуществу лабрадор. Нюхает мокрый воздух, сунув умную морду между прутьями ограды. Может быть, правы индусы, и я переселюсь в собаку. Хотя что-то. Хотя ненадолго. Но, с другой стороны, пятнадцать лет слоняться на цыпочках (четвероногие - они только на цыпочках) и всегда с мокрым носом - тоже не сахар. Да еще на диван не пускают. И пища однообразная.

"Убогой Акадией" назвал Новую Шотландию автор "Микромегаса" - Вольтер, никогда не бывавший здесь. Недавно ездили-отдыхали в пансионате Гран-Пре, в мемориальном парке Гран-Пре в восьмидесяти километрах от дома, в восьми от Вольфвилля. На противоположном склоне виноградники и винодельня. Странно южанину видеть их здесь, на севере. По утрам туман, трава в серой жемчужной росе. Вокруг леса, почти тайга - хвоя, редко ольха и осина, еще реже березы. Болота, скалы, валуны. На мелком поверх них слое перегноя все и растет. Черешни крупные, черные как агат и почти не сладкие.

Этот парк был основан в 1922 году, в память о The Deportation, Великом переселении акадцев - французских поселенцев-католиков 250 лет назад по приказу английского губернатора Чарльза Лоуренса. Как писал Стивен Кларк, современный нам журналист-историк, Лоуренс не любил акадцев. Если акадцу велели доставить дрова в английское поселение, а он медлил выполнить приказ, к нему посыла-

ТАБЕРНАКЛЬ САКРАМЕНТО

ли солдат, и они разносили его дом по бревнышку - на растопку. Когда задумали депортацию, собрали поначалу 400 мужчин в церкви св. Чарльза. Кларк замечает, что Лоуренс вряд ли выбрал это место для шутки: "человек военный, садист с неограниченными полномочиями, он не страдал несерьезностью". Так или иначе, по данным Википедии, "всего было депортировано свыше 11000 (по данным С.Кларка - 12600) чел., из них больше 8000 погибло в трюмах кораблей, переправлявших их в тюрьмы британской колонии на территории нынешних США". И, романтически пишет тот же Кларк, если бы в бортах ботов были окна, увозимые акадцы увидели бы пламя и дым - пылали их дома, подпаленные солдатами. Такое бывало, я готов подтвердить как еврей, хотя масштабы этого Великого помешательства по сравнению с XX веком кажутся жалкими.

Как еврей же (да вру, просто по лени) я не пошел в Гран-Пре в церковь Евангелины. Потом выяснилось, что она была не святой, насчет коих святцы, как правило, склонные к преувеличениям, а просто героиней поэмы Генри Лонгфелло, такой себе влюбленной девушкой XVIII века, подвергшейся высылке. Тем не менее я так и не собрался туда, и мы с ней не увиделись. Жаль.

Зато я увидел нечто необычайное. Мы ехали все вверх и вверх довольно скверной дорогой, так что по сторонам смотреть почти не приходилось, а потом вдруг остановились и...

Но сначала я хочу рассказать о Вольфвилле. По первому впечатлению я назвал его "город имени мене". Позже я вычитал где-то про английского генерала Джеймса Вольфа, овладевшего в 1759 году Квебеком, но счел, что он воевал слишком далеко от Вольфвилля. Еще позднее я уз-

нал, что название местечку дали те самые англичане, - пришлось смириться. Однако, признав этот городок лучшим и красивейшим из тех, что я видел на веку, я тем более оставил его за собой. Эти развешанные в небе кучевые облака, отражающиеся в заливе, и этот шепот волн и немолчный гул океана, располагающиеся поблизости от уха, эта главная на тротуары тавернами, с подпорными столбами, увитыми плющом, а главное - университет, увитый им и унизанный цветами буквально с крыши до основания, и древнегреческие изречения на фронте, и рядом памятник погибшим на фронтах Второй мировой, и веселые студенты, и тихие переулки, и книжные лавки, откуда можно не выходить целый день, - я умереть хотел бы именно в этом городе. "К ногам привязали ему интеграл, в конспекты его завернули..."

Да, так что же я увидел на обочине этой дороги. В десяти шагах - обрыв, а когда подойдешь шагов на восемь, вдруг далеко внизу открывается огромный мир: прекрасная возделанная земля, более, как сообщают специалисты, 1300 гектаров "культурного ландшафта, сохранившего свидетельства сельскохозяйственного использования земель, осушенных с помощью системы плотин и дренажных деревянных желобов. Строительство системы начали еще в XVII веке акадйцы, она совершенствовалась и поддерживалась в рабочем состоянии более поздними поселенцами и, наконец, современными жителями. Это место примечательно тем, что здесь достигается одна из наибольших в мире амплитуд приливной волны, около 11,6 метра". И маленький красный домик в самом центре, и застывшие перелески, и немислимо синий океан, с трех сторон охватывающий этот райский пейзаж в долине Гаспери недалеко от "города имени мене".

Спустя несколько дней по закону парных случаев, не иначе как чудом ко мне в руки попал журнал The National Geographic, развернутый на этом самом снимке, только сделанном в 1957 году, ровно 60 лет назад. И красный домик, и океан на месте. Такой старый журнал - целая жизнь прошла.

А что касается моего заголовка, то и он поставлен неспроста. Сакраменто - таинство. Табернакль - художественно украшенный ларь для всякой католической всячины. Например, "Табернакль сакраменто" назывался триптих Рафаэлла Боттичини, итальянского художника XV-XVI веков. Но вообще эти слова употреблялись акадйскими поселенцами как излюбленные ругательства. Не перенять ли, как думаете?

Фото из журнала "National Geographic", august, 1957

Ян ТОПОРОВСКИЙ

ДНЕВНИК ТРУМПЕЛЬДОРА

1 марта 1920 года в еврейском поселении Тель-Хай, расположенном на севере Эрец-Исраэль, участник обороны Порт-Артура, герой русско-турецкой войны, награжденный многими орденами, среди которых и Георгиевский крест, офицер российской императорской армии Йосиф Трумпельдор (как утверждает легенда) сказал: "Как хорошо умереть за родину!". Но он имел в виду не огромную Россию, которую защищал еще его отец Зеэв (Владимир) Трумпельдор, николаевский солдат и за которую воевал и он - Йосиф Трумпельдор, вступивший добровольцем в Восточно-Сибирский полк, направляющийся сражаться в Порт-Артур.

Герой русско-японской войны Йосиф Трумпельдор имел в виду маленькую еврейскую страну, которой в те годы еще даже не было на карте мира.

А может быть, ничего такого Йосиф Трумпельдор и не говорил - и эти строки приписывает ему людская молва. Но он был настолько легендарной личностью, что даже если бы рядом с ним находились и другие известные люди, например, писатель Зеэв Жаботинский или полковник Д.Паттерсон, командир первого Еврейского легиона, то судьба все равно выбрала бы Трумпельдора, а людская молва приписала бы ему очередную крылатую фразу. И делала это не раз за всю его жизнь.

"Любой фронт - это фронт за Сион!"

Йосиф Трумпельдор прибыл на Святую землю в 1912 году. Сначала он работал на сельскохозяйственной ферме "Мигдал" (сохранились документальные кадры, на которых запечатлен Йосиф Трумпельдор, идущий за лошадей с плугом, 1913 год), затем в группе Дгания, ставшей впоследствии коммуной, а затем кибуцем. Кстати, идея создания коммун, которую поддерживал Йосиф Трумпельдор, была выдвинута Львом Толстым и впервые осуществлена на практике в России поселенцами-толстовцами неподалеку от Ростова-на-Дону. Семена этой идеи Толстого упали на благодатную сионистскую почву - так что всю последующую жизнь Трумпельдор был сторонником создания таких сельскохозяйственных коммун в Эрец-Исраэль - но с учетом того, что их, в случае необходимости, следовало защищать с оружием в руках. Так что в его обязанности входила и организация охраны первых еврейских сельскохозяйственных поселений в Нижней Галилее от набегов арабских вооруженных отрядов.

Вопреки всему (набегам, поджогам, убийствам) еврейские поселения, называемые в просторечии "Стена и башня" (Стена защищала, а башня помогала дозорному увидеть приближение врага и вовремя оповестить поселенцев) воздвигались евреями на этой святой, но каменистой земле. Однако с началом Первой ми-

ровой войны основная масса российских евреев, которые были и первопроходцами, и обитателями первых поселений, была выслана из Палестины - то есть за пределы Турции. Все дело в том, что Турция, воюя против России, не хотела иметь на своей территории подданных Российской империи, которыми являлись еврейские поселенцы. Турки предложили им принять подданство страны, а значит призваться в османскую армию и воевать против России. Никто из евреев, в том числе и российский офицер Йосиф Трумпельдор, не согласился на это предложение, а потому более 11 тысяч молодых евреев были изгнаны из Палестины в Египет.

В Египте, в городе Александрия, встретились два человека - Зеэв Жаботинский и Йосиф Трумпельдор. Оба мечтали о создании еврейского государства, и считали, что эту задачу можно решить даже в военное время. Они предложили англичанам создать первый добровольческий Еврейский легион, который бы участвовал в освобождении Эрец-Исраэль от турецкого владычества. Но английский закон запрещал призывать в британскую армию иностранцев. Англичане данное предложение вначале отвергли. Но потом согласились на компромисс: сформировать из евреев-добровольцев транспортный отряд, который мог быть использован на любом участке англо-турецкого фронта. Таким образом отыскалась возможность обойти английский закон.

Зеэв Жаботинский - сугубо гражданский человек, писатель, сионист, один из политических лидеров еврейского народа от этого предложения отказался (он рвался в бой, и предложение обслуживать английские войска казалось ему унижительным). А вот военная косточка, Георгиевский кавалер, Йосиф Трумпельдор, прошедший русско-японскую войну и японский плен, это предложение принял, произнес крылатую (опять молва приписывает ему) фразу: "В этой войне любой фронт - это фронт за Сион".

Так был создан Отряд погонщиков мулов, который под огнем турок подвозил на передовую боеприпасы, провизию, а оттуда вывозил раненых англичан.

Из легиона в легион

После расформирования Отряда погонщиков мулов, который выполнил свою задачу на Галлиполийском полуострове, Йосиф Трумпельдор, заместитель командира отряда, отправился в Англию, где вместе с Зеэвом Жаботинским, который признал правильность позиции Трумпельдора - "Любой фронт - это фронт за Сион", - и там вновь стал добиваться создания Еврейского легиона из числа проживавших в Лондоне русских евреев. Но основой легиона должны были стать закаленные в огне бойцы Отряда погонщиков мулов.

В дальнейшем Еврейский легион был создан, но Йосиф Трумпельдор уже находился к тому времени в России (июнь 1917 года), где старался убедить Временное правительство, как ранее правительство Англии, сформировать в составе русской армии еврейский полк. Цель этого полка - сразиться с врагом на русско-турецком фронте, а затем, прорвавшись через Кавказ, дойти до Земли обетованной. Идея создания полка получила поддержку правительства, однако задачу перед ними предполагалось поставить иную: защита еврейского населения России от погромов и грабежей. Но это осталось на бумаге.

В следующем году Советская уже Россия подписала мирный договор с Германией, и идея еврейского полка была объявлена незаконной, а сам инициатор - герой русско-японской войны - арестован. Это произошло в 1918 году в Петрограде. Но под арестом Йосиф Трумпельдор находился не слишком долго (по меркам того времени). После освобождения он решил "идти другим путем" и основал новое еврейское движение в России - "Хе-Халуц", целью которого была подготовка молодых еврейских девушек и юношей к жизни в Эрец-Исраэль. По всей

видимости, это была прежняя, но под другим соусом, идея, ибо на первом же съезде организации в 1919 году, где Йосиф Трумпельдор был избран председателем, он выступил с речью, в которой предложил ввести военную подготовку для членов "Хе-Халуц". По всей видимости, путь ее отрядов на историческую родину должен был быть тот же - через Турцию. Этот вывод можно сделать из того факта, что позже Йосиф Трумпельдор отправился в Стамбул, чтобы основать там "Справочное бюро" и учебную ферму "Месиля хадаша" ("Новая колея") - для еврейской молодежи, направляющейся в сельскохозяйственные поселения Эрец-Исраэль.

Но Трумпельдор всегда помнил, что еврейские поселения - это все-таки "Стена и башня". И потому он неоднократно обращался к властям подмандатной Палестины с предложением привезти в страну 10 тысяч (некоторые источники сообщают о 100 тысячах) еврейских солдат из России, которые бы занимались охраной еврейских поселений. Но это предложение было отвергнуто. Вполне возможно, что англичане боялись усиления влияния России в этом регионе (евреи из Российской империи частенько ассоциировались с русскими), а может, англичане опасались, что Экспедиционный корпус генерала Алленби, который в то время был расквартирован в Палестине, не сможет совладать с 10 тысячами еврейских солдат, прошедших боевую выучку в России.

Последний день Трумпельдора

В 1919-1920 годах набеги арабов на еврейские поселения в Верхней Галилее участились. Арабы восстали против французских властей в Сирии, а заодно уничтожали и еврейские поселения в соседних районах - в Эрец-Исраэль. Йосифу Трумпельдору было поручено организовать защиту поселений и людей.

1 января 1920 года он прибыл на место. Вместе с поселенцами и членами своего небольшого отряда и занялся укреплением таких "Стен и башен", как Тель-Хай, Кфар-Гилад и Метула.

А через три месяца - 1 марта 1920 года - отряд арабов окружил Тель-Хай. Завязалась перестрелка. Бой продолжался весь день, а вечером Трумпельдор вместе с другими семью ранеными был эвакуирован в Кфар-Гилад. Однако в пути он умер. Но этой версии еще не коснулась людская молва.

Истинные слова

Мне удалось ознакомиться с тем, что на самом деле говорил, о чем думал, и что говорил Трумпельдор в Тель-Хае, незадолго до своей гибели.

У меня в руках дневник Йосифа Трумпельдора, который он начал вести с 1 января 1920 года. Дневник написан на русском языке (публикую с бережным сохранением орфографии и пунктуации автора). Несуществующие ныне буквы рус-

Еврейские колонисты Тель-Хай (девушка на снимке, возможно, Ханна Эпштейн, которая перезаряжала ружья во время боя). 1919 (?)

Йосиф Трумпельдор - студент С-Петербургского университета. 1910 (?)

ского алфавита (например, "ять") расставлены Трумпельдором в соответствии с правилами дореформенного русского языка - во всяком случае, так, как он их освоил (в газете, ввиду отсутствия буквы "ять" она заменена на "ъ"). Ознакомимся всего с пятью первыми страницами - остальные требуют кропотливой работы и расшифровки.

Думаю, что автор дневника не был бы против публикации (особенно на языке оригинала), ибо на первой странице (в правом углу) Йосиф Трумпельдор сам просит об этом. Воспринимаю это как обращение, дошедшее ко мне, Яну Топоровскому, русскоязычному репатрианту, через сто, считай, лет.

Пять страничек

Вааду Гагана в "Гаесодь Гашакарод" *Думаем, что дневник заменит вполне письмо. Если найдете нужным, то можно отправить его в редакцию для напечатания того, что представляет общий интерес.*

3 января 1920 г.

1-го января послъ объда, еще во время нашего прихода в Хамару, тамъ оказывается произошло следующее:

В 2 часа дня было решено отправить дъвиц и живой инвентарь в Метулу. Отправили. Въ Хамарь осталось шестеро товарищей (Моисей Шапиро, Элеасу и др.). Приблизительно черезъ пол-часа къ Хамарь стали приближаться двое бедуинов, которые, повидимому, переговаривались знаками съ остальными, находящимися въ лошине (вади). Товарищи въ Хамарь, видя это, быстро спрятали ружья (8) в подполье. Двое бедуинов, войдя в Хамару, взяли у двухъ товарищей одетыхъ лучше другихъ обувь и одежду, и ушли, сказавши, что явятся вечеромъ вместе съ другими, чтобы приготовили имъ къ тому времени ужинь.

После ухода грабителей, 6 товарищей достали изъ подполья 7 ружей (одно было оставлено) и ушли в Метулу. Къ вечеру пришелъ я (Трумпельдор) с Добринскимъ и тремя товарищами. Что было дальше - известно.

Сегодня, т.е. 3-е января Айзенштейнъ, Жолтый и Білоховский, ръшили отправиться въ Хамару безъ оружія въ простой рваной одеждѣ, посмотреть, что тамъ осталось и свободна ли дорога, а также захватить съ собой въ Тел-Хай кое-что.

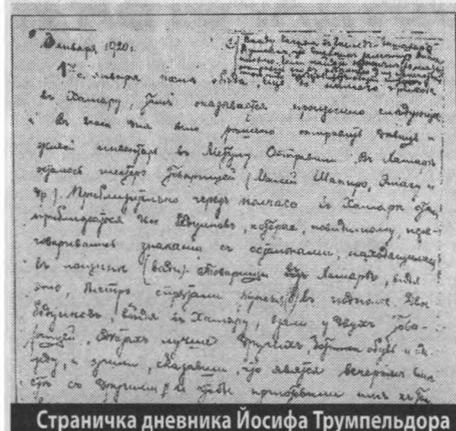
(Конец первой страницы. - Я.Т.)

Трумпельдоръ предложилъ отправить съ десятью человеками, вооруженными ружьями, захватить съ собой преиду (? - Я.Т.) и привезти изъ Хамары одноколку съ мукой, пшеницей и другими продуктами. Предложение Трумпельдора было отклонено и въ 8 1/2 ч. утра изъ Тел-Хая вышло только трое (Айз., Жолтый и Білох.) безъ оружия и въ рваной одеждѣ.

В Хамару прибыли они благополучно, но не успели они еще собрать выстиранные вещи въ мешок, какъ въ Хамару явились 15 вооруженныхъ арабов. Эти грабители забрали обувь, одежду с трехъ товарищей и разные другія вещи. Черезъ короткій промежутокъ времени послъ ихъ ухода, явилось пятеро новыхъ вооруженных, одетыхъ по формѣ. Одинъ изъ нихъ заявил, что онъ офицеръ, а остальные четверо - солдаты, и что они явились изъ арміи шерифа добровольцами для войны съ французами, что противъ евреевъ они ничего не имьют. Онъ потребовалъ, чтобы товарищи подняли надъ зданиемъ флагъ шерифа (красный и бѣлый лоскутки). Товарищи отвѣтили, что они не местные (а изъ Твери) и лоскутковъ не выставили. Когда они сообщили офицеру, что ихъ ограбили, тотъ сталъ ругать грабителей, однако это не помешало ему вмѣстѣ съ его солдатами забрать съ собою массу вещей изъ Хамары. Послъ этого раздѣтые товарищи благополучно пробрались в Метулу, а оттуда пришли къ вечеру в Тел-Хай.

(Конец второй страницы. - Я.Т.)

Товарищи в Тел-Хай, прождавши ушедшихъ въ Хамару часа 2-3, ръшили узнать, что съ ними. Трумпельдоръ съ шестью товарищами, разсыпавшись цѣпью, двинулись въ путь. Не успели они пройти километра, какъ по нимъ открыли ружейный огонь съ сосѣдняго горного хребта. Цѣпь отвѣтила огнемъ. Въ это время началась частая пальба въ тылу

Страничка дневника Йосифа Трумпельдора

цѣпи. Тогда цѣпь вернулась въ Тел-Хай.

Выстрелы въ Кфар-Гилади были следствиемъ нападенія шайки бандитов на нас. Эта шайка въ количествѣ 50-60 человекъ, вооруженныхъ винтовками, разсыпавшись въ цѣпи, стала приближаться къ Кфар-Гилади.

Мойше, по прозвищу Гой, стоявшій съ Гадомъ у окна, закричалъ, чтобы они оставались. Окликъ не подѣйствовал. Тогда Мойше Гой и Гадъ выстрѣлили въ воздухъ. Бандиты упали на землю и осыпали домъ пулями. Товарищи изъ Кфар-Гилоди не остались въ долгу. Послъ непродолжительной, но оживленной перестрѣлки бандиты бѣжали. Никто изъ товарищей въ перестрѣлке не пострадалъ.

Хана Эпштейн, единственная дъвица, все время оставшаяся на мѣстѣ с хлопцами, и во время перестрѣлки заряжала ружья и подавала ихъ стреляющимъ.

Еще до перестрѣлки одинъ изъ товарищей отправился изъ Тел-Хая въ Кфар-Гилади. Попавъ въ гущу перестрѣлки, товарищ, конечно, повернулъ оглобли. В Тел-Хай обрисовалъ положение вещей такъ, что...

(Конец третьей страницы. - Я.Т.)

Можно было заключить, будто Кфар-Гилади взята бандитами. Для выяснения вопроса и въ случаѣ надобности для помощи товарищамъ Трумпельдоръ съ пятью другими (товарищами) цѣпью пошли на Кфар-Гилади (зачеркнуто: "Пришли и нашли все в полнейшемъ благополучіи". - Я.Т.)

4 января 1920 г.

Еще вчера вечеромъ сообщили, что ночью или сегодня утромъ явятся французы. Эта вѣсть приподняла и безъ того бодрое настроеніе въ обоихъ квуцахъ. Было устроено собраніе, на которомъ приняты решеніе: а) усилить ночью охрану до 12-ти человек (3 смѣны по 4 чел. въ каждой). б) въ случаѣ нападенія ни въ коемъ случаѣ не подпускать вооруженныхъ бандитовъ близко къ дому. Кроме того, въ Тел-Хай решено было выйти охрану на работу (снять пшеницу) подѣ охраной цѣпи шомеримъ (охранников. - Я.Т.)

Раннимъ утромъ сегодня пришли французы въ долину Хуле. Орудийными снарядами подожгли нѣсколько деревень и приблизительно до 10 1/2 ч. утра гнали арабовъ въ долине Хуль и у начала горъ, но въ 10 1/2 приблизительно арабы перешли въ наступленіе, особенно со стороны горъ. Неподготовленные къ этому и не имѣющіе значительныхъ силъ французы стали отступать.

(Конец четвертой страницы: едва видна подпись на иврите "Трумпельдор". - Я.Т.)

.... (нрзб. - Я.Т.) ... 11 1/2 утра наступающіе арабы уже были недалеко от Хамары, где, повидимому, находился полевой штабъ французовъ. Пришлось прекратить работу и забрать преидь домой. Въ это время послѣдніе французы покидали Хамару, уходя в Метулу, а арабы со всѣхъ остальныхъ склоновъ приближались къ ней. Арабы округи безоружные, повидимому, для грабежа, в свою очередь устремились по направленію къ Метуль. Пришлось быстро убрать цѣпь домой въ Тел-Хай.

Моментъ былъ значительный и тяже-

лый. Что-то дрогнуло въ сердцахъ у многихъ. И многіе поставили вопросъ: "Если французскій отрядъ съ пушками и пулеметами не устоялъ противъ арабовъ, то какъ сможемъ устоять мы, небольшое число людей, вооруженныхъ только винтовками?"

Почти никто не сомневался, что нападеніе со стороны воспрявшихъ духомъ арабовъ неизбежно и близко.

Вопросъ "не бѣжать ли въ Метулу?" повисъ въ воздухѣ, но поставить его въ Тел-Хай - никто не ръшился. Наоборот, на летучемъ собраніи быстро было принято рѣшеніе несмотря ни на что оставаться на мѣстѣ, вооруженныхъ арабовъ близко къ дому не подпускать, и когда наступитъ рѣшительный моментъ защищаться до...

(Конец пятой страницы. - Я.Т.)

Предательство гарантов безопасности

У героя не можетъ быть обычной смерти. До сего дня существуетъ (и никемъ не развенчана!) иная - героизм и предательство! - версия гибели Йосефа Трумпельдора. Вот ее-то и коснулась людская молва. Изложим и ее.

Прорвать оборону защитниковъ арабы не смогли. Тогда англійскій офицеръ, находившійся в отрядѣ, осаждавшемъ Тель-Хай, сказал, что онъ и представители арабовъ должны осмотреть поселеніе Тель-Хай, такъ какъ разыскиваютъ толи заговорщиковъ, толи конокрадовъ. Мол, они только осмотрятъ поселеніе и, убѣдившись, что нетъ "чужаковъ", уйдутъ.

Кроме британскаго офицера, гарантомъ безопасности выступилъ и шейхъ бедуинскаго племени, жившаго неподалеку, с которымъ поселенцы находились в дружескихъ отношеніяхъ.

Защитники Тель-Хая доверились слову офицера Ее королевскаго высочества и бедуинскаго шейха - и открыли проходъ в Стену.

Этимъ воспользовались арабы. Они ворвались в Тель-Хай и стали расстреливать его защитниковъ, смертельно ранивъ Трумпельдора. Именно в ту минуту онъ (согласно легенде) и произнесъ: "Хорошо умереть за Родину".

После гибели защитниковъ, северные поселенія, в томъ числѣ и Тель-Хай, были оставлены еврейскими поселенцами, - затемъ сожжены арабами. Но черезъ некоторое время "Стена и Башня" - и не одна - вновь поднялись на севере Земли обетованной.

Вскоре после гибели Трумпельдора новые поселенцы, прибывшіе в Эрец-Израэль изъ Крыма, создали "Грудъ а-Авода" ("Рабочій батальонъ") имени Йосефа Трумпельдора и основали на склоне горы Гильбоа поселеніе Тель-Йосефъ. (И приветствіемъ ихъ и бейтаровцевъ сталъ кличъ "Тель-Хай!")

Йосифъ Трумпельдоръ и его бойцы, погибшіе во время обороны Тель-Хая, были похоронены на территории Кфар-Гилади, но в 1934 году останки погибшихъ были перенесены на расположенное между Тель-Хаемъ и Кфар-Гилади кладбище, где скульпторомъ Авраамомъ Мельниковымъ былъ воздвигнутъ в ихъ честь монументъ "Рычащій левъ".

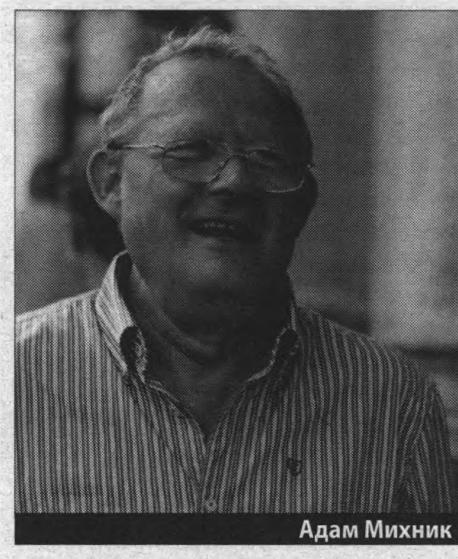
НЕПОЛЬСКОЕ КИНО О ХОЛОКОСТЕ

Белла КЕРДМАН

В этом году, после паузы лет в десять, вышел новый фильм Павла Чухрая - "Холодное танго", сейчас посмотрела в интернете. Сюжет - рискованный: оккупанты, местные, то есть из титульного населения, и евреи во время Второй мировой войны. Оккупанты в данном случае двух "сортов": советские, сперва как союзники рейха, а затем как победители его же, и нацисты из гитлеровской коалиции. Место действия - Литва, ставшая "юденрайн" еще до прихода немцев. О чем, кстати, с беспощадной откровенностью рассказала в своей недавно опубликованной книге "Наши" Рута Вангайте, литовская писательница, журналистка и театральная критик. И вот сюжет нового российского фильма: на фоне всего этого беспредела зарождается обреченная на гибель любовь еврейского парня к девушке-литовке, как нарочно, убежденной антисемитке.

Это второй российский фильм о Холокосте с участием коренного населения оккупированной зоны. Однако же, важно заметить, не советского населения, если не считать таковым не успевших "осветиться" прибалтов. Первым был "Изда в ад" Дмитрия Астрахана - о послевоенном погроме в польском городке Кельце с участием поляков, но... по принципиально перекроенному материалу польского сценариста. У Чухрая же - с участием, как сказано выше, только что "освобожденных" Советами литовцев, по мотивам рассказа Эфраима Севелы "Продай твою мать". Поскольку об "Аде" я писала ("ЕК", июль, 2017), остановлюсь на ленте Чухрая. Профессиональное кино, нестандартный сюжет. Главные герои - Лайма (известная актриса Юлия Пересильд) и Марк (малоизвестный пока Риналь Мухаметов, которому, по-моему, роль еврея не совсем удалась, в отличие от его блестящей красавицы-партнерши, сыгравшей литовку). И есть там замечательный, как всегда и везде, Сергей Гармаш в роли обаятельного (а как же!) майора МВД, который берет к себе малолетнюю девочку, когда ее папу Марка убивают "лесные братья", а маму Лайму ссылают в ГУЛАГ советские "освободители".

В повести Севелы главный герой-еврей предает свою мать, приспособившись к ее убийцам, предает младшую сестренку, один сбегая с грузовика, в котором детей везут на смерть. А после войны попадает с дочерью в Израиль (жена-литовка, окончательно спившаяся и пошедшая по рукам антисемитка, остается). Однако сбегает Марк и оттуда - в Германию, купив фальшивую метрику с поддельным, немецким именем матери. Дочь, знающая правду о том, что ее еврейская бабушка была убита антисемитами, в числе которых был и ее литовский дед, меняет имя Рута на Ривка (так звали ту бабушку) и служит в ЦАХАЛе. С ее гневного письма отцу и начинается рассказ "Продай твою мать".

Адам Михник

Чухрай не только режиссер, но и сценарист фильма "Холодное танго". Оценку своего героя, как и сюжет рассказа Севелы, он существенно изменяет: еврейский паренек Марк у него - рефлексирующий сперва подросток, интуитивно рвущийся к жизни, а затем так же интуитивно жаждущий справедливости молодой человек, который не может остаться равнодушным к национальным проблемам не только евреев, а и литовцев, в чем расходится со своим начальником и покровителем майором Таратутой (Гармаш). При всем том, заканчивается фильм относительно "хеппи-эндом": на берегу моря на лавочке сидит Таратута, уже в штатском, явный пенсионер, а по песочку бегает, играя, девочка в черных кудряшках, которая называет его "деда". И звучит его утешительная реплика: "Вот вернется твоя мама с севера..."

Недавно кто-то прислал по e-mail фильм этого же года на ту же тему: отношение местного населения к евреям в пору оккупации: "Жена зрителя зоопарка". Стала смотреть, не обратив внимания на титры. И с первых же кадров поняла, что это не польский фильм, хотя место действия Варшава (правда, снимали его в Праге) и то, что в тамошнем зоопарке под носом у немцев спасали евреев - известный факт. Вернулась к титрам: так и есть - американский фильм, режиссер Ники Каро. Отличная работа актрисы Джессики Честейн в заглавной роли Антонины Жабинской, той самой жены. Да и в целом фильм сделан профессионально, вполне смотрится. Сюжет, вкратце, такой. Оккупанты вывозят в Германию всех ценных животных из польского зоопарка, а тех, что не нужны берлинским зоологам, уничтожают - не кормить же их! Жабинские, дабы как-то сохранить свой зоопарк, предлагают создать на опустевшей территории свиноферму - использовать объедки из расположенного неподалеку еврейского гетто и снабжать немецких солдат свежим мясом. Свою идею они излагают коллеге, ученому-нацисту, и тот ее реализует. И хозяин зоопарка Ян Жабинский начинает совершать регулярные поездки в гетто за пищевыми отходами, под грудой которых вывозит еврейских женщин и детей. Их прячут на терри-

тории зоопарка и в домах некоторых сотрудников. В реальности супруги Жабинские спасли около 300 еврейских жизней.

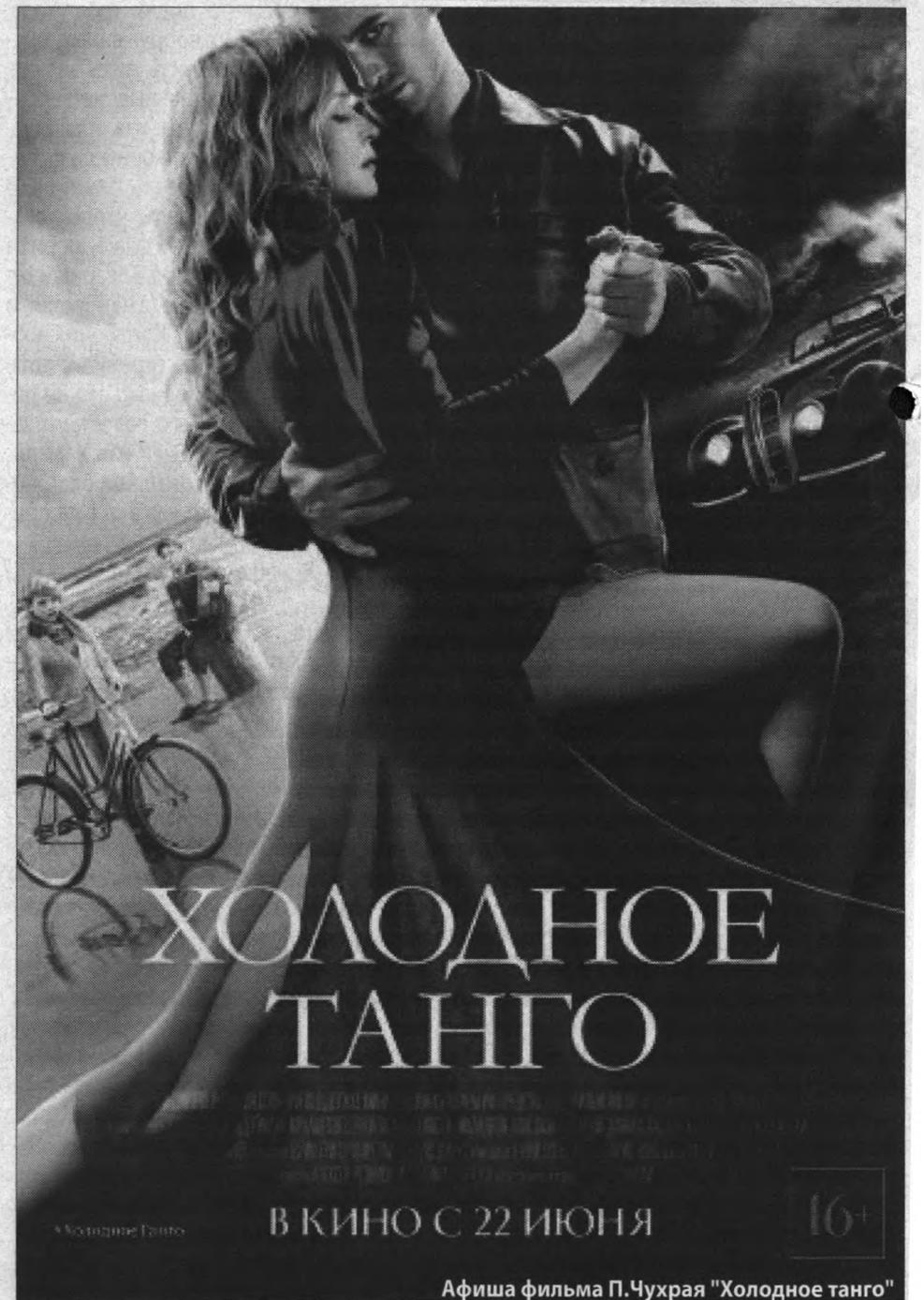
Но при всем том эта лента производит впечатление какой-то "облегченки", что ли. Возможно, потому, что действие все время ограничено довольно узкими рамками, лишено масштаба. Зло щедро персонафицировано в одной личности - зоологе-нацисте Луице Хеке. Не случайно один из участников обсуждения фильма в интернете, отмечая наивность эпизода, где Антонина выводит изнасилованную нацистами еврейскую девочку из глубокой депрессии, дав ей погладить кролика, называет этот американский фильм "детским".

В данном контексте уместно вспомнить и довольно старый (1997 г.) фильм на тему Холокоста - итальянскую трагикомедию Роберто Бенини "Жизнь прекрасна", снискавшую три премии Оскар. Думаю, большинство читателей эту ленту посмотрело, так что пересказывать сюжет нет надобности. Разве что напомнить: там главный герой попадает с маленьким сыном в концлагерь и, щадя психику ре-

бенка, представляет ему все происходящее игрой. Если мальчик будет старательно соблюдать все правила этой игры, хорошенько прятаться, он получит приз: настоящий танк. Родители погибли. Мальчик, играючи, выжил.

Фильм "Жизнь прекрасна" имел большую и комплиментарную прессу, есть много восторженных зрительских отзывов. И в каждом почти панегирике отмечается, что вот, наконец-то, появилось кино на тему оккупации и концлагерей без сцен насилия, его можно смотреть, не хватаясь за сердце, а реагируя благодарными слезами на жертвенное благородство отца. Ну да, есть люди, даже среди моих знакомых, которые вообще не смотрят "тяжелые" фильмы, щадя себя, любимого... Среди отзывов-рецензий попался, правда, один резко, даже слишком резко отрицательный. Пожалуй, процитирую вот этот отрывок:

"Тема отцовской любви раскрыта, но все же не хватило драматизма.... Уже бы тогда в живых его оставили, раз мрачной кончины не получилось, да и умер он очень глупо, если честно. Автор же пытался сказать, что он пожертвовал своей

Кадр из фильма Н.Каро
"Жена зрителя зоопарка"

жизнью ради семьи, а он просто бегал и орал перед глазами и так переполошенных немцев, а сын уже был спрятан. Мальчик, кстати, тоже раздражает, получился он какой-то глупый не по годам. И вообще получился очень "пресным" и не выразительным. Его в конце больше танк интересовал, а не то, что отца рядом нет. В общем, задумка фильма очень неплоха, но... есть уже много других картин, затмивших ее в данной теме".

Да, есть много других картин в данной теме, - повторю вслед за незнакомой критикессой (к сожалению, интернет, как правило, оставляет тексты участников дискуссий, да и авторов статей, безымянными). И эти "другие картины" прежде всего - польские. Вот навскидку несколько: "Стерня" Владислава Пасиковского, "Во мраке" Агнешки Холланд, "Ида" Павла Павликовского, "Скорбная неделя" Анджея Вайды. "Ида", напомним, стала лауреатом Оскара как лучший зарубежный фильм. "Стерня" дважды номинировалась на эту высокую премию. А сюжет художественной ленты А.Холланд вообще предельно документальный: действительно, варшавский водопроводчик Леопольд Соха, простой работяга, имевший до войны приводе в полицию, прячет в городской канализации группу евреев; сначала он это делает за деньги, а когда у евреев деньги и ценности кончаются, содержит их за свой кошт. И авторы фильма называют этого человека и его поделщиков их собственными именами, эти имена есть в списках Праведников в "Яд ва-Шеме"!

Все названные выше польские фильмы отмечены многими престижными наградами и широкой прессой. Я писала о них в "ЕК", не буду повторяться. Напомню разве что одну поразившую меня реплику из картины Вайды. Там молодая пара прячет красивую еврейскую девушку, на которую "положил глаз" любовник соседки, той еще спекулянтки и курвы. И вот как эта соседка угрожает "сопернице": "Я - полячка, и потому донести на тебя в полицию не могу. Но коменданту дома расскажу, что тебя тут прячут!"

Чем же принципиально отличаются польские фильмы о Холокосте от всех прочих? Эти два слова: "польское кино" давно стали термином, "брендом", как теперь говорят. Есть (вернее, было, не знаю, как теперь) "грузинское кино", было одно время "литовское". И остается "польское" - высокого качества, умное, искреннее. В польских фильмах о Холокосте - никакой "облегченки", никаких штучных "хэппи-эндв", они беспощадны к зрителю. А главное - они беспощадны к самим себе - к полякам. Повторю то, на что несколько раз уже делала акцент в ряде своих публикаций: Польша была первой оккупированной страной Европы, оказавшей вооруженное сопротивление гитлеровской (да и советской) агрессии. Ни одно воинское подразделение под польским флагом не сражалось на

стороне Германии. Польша оставалась единственной оккупированной нацистами европейской страной, в которой не было коллаборационистского правительства. Поляки сражались в армиях антигитлеровской коалиции, а в самой стране существовало широкое движение сопротивления, активно действовало вооруженное подполье. Все польские политические силы - от правых до левых - вели упорную борьбу против нацистов. Польские антисемиты сражались против Гитлера, а некоторые из них участвовали в акциях спасения евреев, хотя за это им грозила смерть. Так возник специфический "польский парадокс", как это называет Адам Михник, известный журналист и писатель (между прочим, еврей): "На оккупированной польской земле можно было одновременно быть антисемитом, героем антигитлеровского сопротивления и участником операций по спасению евреев". Вот и статистика мемориала "Яд ва-Шеме" свидетельствует: самое большое число Праведников мира - тех, кто спасал еврейские жизни, рискуя своей, это поляки - около 6500 человек.

Вот этим национальным парадоксом, который Иосиф Бродский, любивший Польшу и любимый в Польше, назвал "инстинктом сопротивления", плюс нарабатанная традиция высоких требований к качеству кинопродукции, и отличается польское кино о Холокосте от непольского. И еще одним, важнейшим признаком. Как известно не только гитлеровская коалиция повинна в истреблении шести миллионов евреев - большую часть "черной" работы, а кое-где и полностью, на оккупированных территориях делали ликвидаторы, полицейские и просто осведомители из местного, "титального" населения (теперь открыта и некоторая статистика). Было такое и на территории Союза, и даже во Франции. Было и в Польше.

Но только Польша, выйдя из "лагеря мира и социализма", покаялась: в 2001 году официально попросил прощения у евреев от лица своего народа президент Александр Квасневский и отдельно - католический клир. До сих пор проходят различные спонтанные акции покаяния в Варшаве, Лодзи, Кракове и других городах. Например, дети одной из школ написали письма по довоенным адресам своих еврейских земляков, а в ответ получили их обратно с почтовым штампом на конверте: "адресат неизвестен" или "выбыл". И учитель, в надежде, что эти дети получили прививку от антисемитизма, объяснил классу, куда "выбыли" жившие неподалеку евреи, в том числе сверстники авторов вернувшихся писем. Или вот один из перформансов молодого художника Рафала Бетлеевского: он на свои деньги построил сарай, наполнил его соломой, по которой разбросал таблички с именами поляков, давших на то согласие, и поджег изнутри. Едва успел выскочить, так быстро это все сгорело! То есть продемонстрировал то, что сделали со своими евреями жители деревни Едвабне.

Надо сказать, что далеко не всегда гладко и не в полном согласии с населением проходят подобные акции в Польше. Но ведь где-то вовсе не проходят! И названные выше польские киноленты не только восторженный прием встречают у аутентичного зрителя. Но ведь больше ни у кого подобного уровня фильмов на тему Холокоста нет! А в Польше акции против антисемитизма, официальные и спонтанные, не прекращаются, и поляки в них участвуют. И прекрасные, честные польские фильмы выходят на мировой экран. Их смотрит не только Польша.

ГРАЖДАНЕ ГОРОДА ЛЮБЛИНА

Павел КОЗЛОВ

"- Выходите из ворот старого города, прямо - Замковая гора, и на ней стоит замок, справа, где большие огни, торговый центр, так и называется, "Замковый", там есть меняльная контора", - отвечает на мой вопрос, где можно в поздний субботний час обменять евро на злотые, молодая и миловидная пухленькая полячка.

Если пройти через ворота, можно увидеть табличку, где, среди прочего, сказано, что раньше ворота назывались Еврейскими, потому что соединяли Старый город и район, где жили евреи. Далее сказано, что до наших дней район этот не сохранился. За воротами прямо - на горе замок, слева - большая Замковая площадь, там не могло быть еврейских кварталов, значит они были справа. С моста, ведущего от ворот к замку, видны белые огни торгового центра. Все пространство от стен Старого города до этих огней, примерно полкилометра на полкилометра - пустое, покрытое подтаявшим и подмерзшим снегом, плохо освещено, кое-где есть нестарые еще деревья; людей не видеть.

Спускаюсь и иду по скользкому то ли льду, то ли снегу, в темноте стараюсь избегать больших луж и не поскользнуться; иду и понимаю, что на этом месте и жили еще каких-нибудь восемьдесят лет назад еврейские граждане города Люблина. А семьдесят пять лет назад уже не жили. Семьдесят пять лет назад ОдилоГлобочник, генерал СС и помощник Гимmlера по созданию лагерей смерти в генерал-губернаторстве, уже запустил в Польше свой кровавый стартап. Одним из первых был создан концлагерь в городе Люблине, прямо в черте города. Но граждане города Люблина выразили свое возмущение и через гражданскую администрацию попросили перенести фабрику смерти подальше от себя, от своих домов и от своих семей*. Просьба была услышана, лагерь перенесли; так возник Майданек, в котором другие граждане города Люблина, которым не повезло родиться поляками, все превра-

тились в дым, многие тысячи. А после войны снесли и дома этих исчезнувших граждан города Люблина, посадили деревья, а недавно построили большой и красивый торговый центр: GUESS, H&M, intimissimi, Douglas, SWAROWSKY, swatch, ZARA etc.; не хуже, чем у других.

Если проснуться около трех часов ночи, то можно увидеть, как последняя загулявшая парочка граждан города Люблина торопливо выходит из ворот Старого города, тех самых, Еврейских. И сразу же улочки наполняются тенями граждан города Люблина: знающих жизнь и Закон стариков в больших кепках со стриженными бородами, старух в париках, оборотистых и не очень мужчин, женщин с детьми на руках, мечтающих о будущей жизни девиц, и пишущих что-то на идиш поэтах, играющих детей. А может они бродят по этим улицам все время, а граждане города Люблина их просто не замечают.

Люблин-Майданек
Минск-Москва
С любезного разрешения
автора взято из Фэйсбука.

ОТ РЕДАКЦИИ: "Так случилось, что я объездил все лагеря смерти и многие концлагеря на территории Польши. Один из них находился на окраине города Люблин. Как вы понимаете, как правило, лагерь выносили за город, но конкретно этот примыкал забором к жилым домам на окраинах. Это был лагерь смерти, то есть туда сгоняли людей только для одной цели. Там не было ни заводов, ни фабрик, ни мастерских для нужд рейха, только камеры с газом и печи. Евреев свозили тысячами. Сейчас там находится музей, в котором я увидел документ, о котором хочу вам рассказать.

Коллективное письмо жителей Люблина - поляков с просьбой "сделать трубы печей крематориев выше, потому что пепел от сгоревших людей оседает на их белых простынях" (дословная цитата). Под письмом сотни и сотни подписей обычных мешчан".

Caum "The Question"

Разрушенный еврейский квартал. Люблин, 1943.

"Я НЕ ПРЕДАМ СВОЕЙ СУДЬБЫ"

Элишева (1888-1949)

Шуламит ШАЛИТ

Элишева... Загадочная, нежная и поэтическая натура...

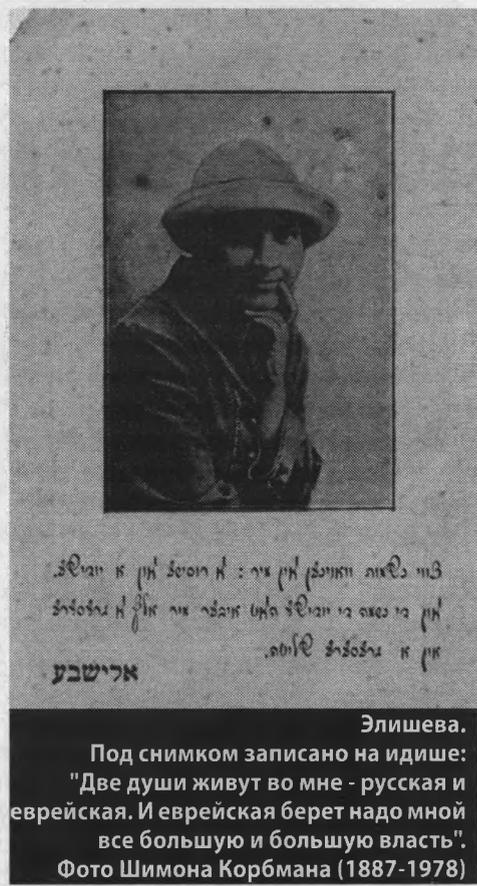
"Странное существо твоя-то, будто гостья в доме, а не часть семьи. Голоса не повысит, и всегда в одиночку... Ни знакомых, чтобы свои, ни друзей... Никакой нет возможности понять, что у нее в голове делается..." - так Элишева представляет читателю Елену, героиню своего рассказа "Субботние свечи". (Перевела, как могла, а дальше пересказ. - Ш.Ш.).

Попав в семью мужа, Елена ведет себя по правилам дома: свекр за самоваром читает вслух газету, все члены семьи должны присутствовать и внимать. Если к ней обратятся, скажет и она словечко, а как только начнут вставать из-за стола, тут же и уйдет в свою комнату. Присутствие ее в доме не ощущалось, поэтому и недовольства ею не проявляли ни свекровь, ни сестры мужа. Так проходили весна, лето и зима. Но с наступлением осени в нее как будто вселяется другое существо. Она может уйти из дома, не предупреждая и даже до ужина и до чаепития, и ходить одна по улицам, по бульвару вдоль реки, встречая последние лучи золотого закатного солнца... Но больше всего ее волнует ветер, ей ведомо, что он летел к ней из дальних далей, ей чудится какой-то напев, несущий грусть... Она ступает по первым опавшим листьям, вдыхает запахи недавно скошенной травы, и грусть, заполняя ее тихую и чистую душу, сгущается и будто тянет ее в омут... А может, ее звал Пушкин, и она бежала к нему: "Люблю я пышное природы увяданье, / В багрец и в золото одетые леса..." Кто знает...

Что для домашних тайна, для нас - кинокадры о жизни молодой женщины, жившей в начале XX века. Она сочиняет стихи, иногда рассказы... Вот она идет по улице, почти всегда одна. Длинное пальто, черные туфли на низком каблуке, маленькая круглая шляпка.

С каким опозданием мне довелось увидеть фотографию Элишевы, стоящей перед витриной книжного магазина уже не в Рязани и не в Москве, а в Тель-Авиве конца 1920-х. Я не могла оторвать от нее взгляда, именно такой ее и представляла, знаю вот этот тип поэта, даже необязательно женщины. Разумеется, в разные периоды и Элишева была разная, в юности мечтательная, но внутренне почти всегда одинокая, замкнутая, нелюдимая и, разумеется, странная для окружающих. Мне подобные люди встречались во множестве, и вы, конечно, понимаете, что они - поэты... Им трудно с людьми, и нам - с ними... Только в творческом вдохновении, так мне кажется, они бывают счастливыми. Иногда.

...Мы добрались до Твери, что у озера Кинерет, а оттуда свернули налево и вскоре оказались в гостинице "Гиносар". И был вечер, и было утро... И мы поехали

Элишева.
Под снимком записано на идише:
"Две души живут во мне - русская и еврейская. И еврейская берет надо мной все большую и большую власть".
Фото Шимона Корбмана (1887-1978)

на кладбище, где я вот-вот окажусь у могилы Элишевы... Это на другом берегу озера. Когда нас возили туда юными репатриантами, в 1980-м, то привели только к памятнику поэтессы Рахель, песню на слова которой "О, Кинерет шели" мы узнали еще в ульпане...

Но жила в Израиле другая удивительная женщина и тоже писала стихи, и тоже сначала на русском языке, а потом исключительно на иврите, и звали ее Елизавета, а родом она была из Спасска, что чуть более полста километров от Рязани. Еще живя в России, она переименовала свое имя Елизавета на Элишеву, немного поиграла с ним, подписываясь иногда "Элишева", но даже фамилия будущего мужа не приросла к ней - мы только по литературе и вот тут, на могилке, прочитав его: крупно - ее имя и мелкими буквами - Быховски... Шимон родился в Почепе, значит, по-русски правильнее все-таки Быховский.

Она же навечно осталась в истории Израила просто Элишевой.

Я уже знала точно, как "пройти к Элишеве". Высокий холм и там знакомая могила Рахели. Сколько десятилетий толпы экскурсантов приходят к памятнику на могиле поэтессы Рахель, не замечая другого памятника, что рядом с ней, за ней. И именно там покоится Элишева. Судьба ее и как поэта, и как человека столь необычна, что продолжает тревожить сердце и будоражить мысль каждого, кто читает или слышит о ней... "Загадочная" - это точно. А "нежную и поэтическую натуру" мы угадываем только в стихах и на нескольких ранних снимках, в юности, пока жила мечтами...

Какой праздник для ищущей души -

собственное открытие языка иврит: сначала элементарное, потом делающее доступным восприятие окружающего - звуков еще вчера чужой речи, текстов рекламных щитов, песен, юмора, театрального спектакля и, наконец, Книги Книг - Танаха, текстов молитв! Может быть, в том как раз избранность судьбы нашей, что мы удостоились своей земли, своего языка, что для детей и внуков они стали, становятся и, безусловно, станут родными, единственно родными, и они не будут страдать от раздвоения личности, от ностальгии по тому, что мы считали нашим родным, а оно то и дело оборачивалось чужим... То есть это мы - каждый в свой черед - ощутили себя неродными... Каждый по-своему начинает искать свои корни, иногда находит, а чаще и не находит их. Так ведь мы ищем свое, возвращаемся к своему...

А Елизавета Ивановна Жиркова, русская женщина (1888-1949), оставила и народ свой, и дом, и язык, и как Рут (Руфь)-моавитянка, прилепилась к чужому языку и чужому народу. Ее так и называли "Рут с берегов Волги".

Что же все-таки побудило Елизавету Жиркову, будущую израильскую поэтессу, - решиться на такой шаг? Нет ведь подобных ей судеб в нашей литературе. От малого народа к большому - тому тьма примеров, но наоборот? "Разумеется, - писала Элишева, - я не еврейского рода, однако же и русского не вполне. Отец моей матери был англичанин, точнее, ирландец, он бежал в юности из дома, оказался в России, обосновался здесь, женился на немке, однако и она росла и воспитывалась в английской семье... Я росла у одной из теток, которая была мне вместо матери, ибо мать умерла в моем раннем детстве, и я всецело принадлежу к этой, английской семье, намного больше, чем к отцовской, то есть русской". Семья матери католической веры, а отец ее был учитель, православный. Но сама Элишева, как говорила и зная ее переводчица Давида Крол, "никакой религией не грешила"...

А была в Элишеве чуть ли не с рождения какая-то таинственная тяга ко всему особому, высокому, духовному - другому, не похожему на то, что ее окружало. "У меня были крылья, - скажет она, - но я не знала о том". Она ощущала какую-то черзмерность души и искала для нее - порой бессознательно - гармонии. Одиночество - обычное пристанище ее души, - писали о ней знавшие ее. Из письма одному знакомому, год 1922-й: "Я нахожусь тут (имеется в виду, в Рязани) в полном одиночестве, нет родных, нет друзей, нет знакомых". Возможно, тяга к особому, другому была обусловлена именно мыслью, что мать, так рано ушедшая, происходила из далекого мира... И Сион, неведомая родина, представлялась, как и мать, утерянной, но где-то существующей? Но это

лишь одно из предположений. Девушка живет воображением, его усиливает чтение книг, живет и ждет чуда. И оно пришло. И подошло прямо к краешку сердца.

В 1907 году, девятнадцати лет, живя у тетки в Москве и учась в гимназии, она начала писать стихи. Познакомилась и подружилась с еврейской девушкой, с которой вместе училась. Так стала вхожа в еврейский дом, открыв для себя новый, несказанно удививший ее мир. В этой семье соблюдали еврейские традиции, все было дружелюбно и между собой, и по отношению к ней, и в течение трех лет, до отъезда обратно в Рязань, Элишева впитывала в себя особую атмосферу, какую-то духовную устойчивость, то, к чему так неосознанно тянулась душа. Приходила суббота, зажигались свечи, все как будто преображалось и внешне и внутренне, становилось гармоничным - от субботнего кидуша - благословения хлеба и вина, от покоя, растворявшегося в самом воздухе. Она напишет об этом в рассказе "Субботние свечи"...

А потом всю жизнь ей придется отвечать на одни и те же вопросы: как да почему с ней вот так случилось? И со свойственной ей прямоотой и простотой она будет объяснять, что для нее самой это было чудом, что странные и непонятные вещи, которые она учила ребенком в начальных классах, на уроках "Закона Божия", обрели смысл, а так называемый "Ветхий Завет", совсем не ветхий, а живой. Он никуда не исчез, наоборот, он имеет прямую связь с жизнью.

Это было поразительно! И в свете субботних свечей незнакомого ранее народа открылось ей, Элишеве, что родной дом, ее русский дом - он ей чужой, а ощущение духовности, близости к чему-то, чего искала душа - возникает в иной среде. Но и настроение и самоощущение меняются, и горькая мысль тоже пришла и рано, еще в России: "Я чужая своим - а чужим не нужна"... В тогдашней Палестине больше нравились другие ее стихи: "С тех пор, как услышала в песне я / Тот голос с той, нездешней стороны, / Клянусь, ему покорна жизнь моя, / Им песни и мечты мои полны!"

Изучать иврит всерьез начала в 1913 году, уже в "Обществе по изучению древнееврейского языка". Из энциклопедии: "В годы Первой мировой войны работала в комитете помощи еврейским беженцам в окрестностях Рязани. По признанию Элишевы, на нее произвели "сильное впечатление еврейская национальная идея, а позднее сионизм". Этому способствовала также дружба и последующий брак Элишевы с Шимоном Быховским (1881?-1932), сионистом, издателем и распространителем книг на иврите".

Через Ш.Быховского она познакомилась и с его друзьями, это были известные уже писатели - Ури Нисан Гнесин и Йосеф Хаим Бреннер. Они Быховского

ценили и как доброго человека, и как преданного товарища. Став учителем Элишевы, причем учителем отличным, он влюбился в необычную и необыкновенную русскую девушку и стал ее мужем и проводником в мир, который не всегда был да и будет ласков к ней, и все-таки она скажет: "Я не предаю своей судьбы".

В 1920-м, будучи автором двух сборников стихов на русском языке ("Минуты" и "Тайные песни". Москва, 1919), начала писать на иврите. И, по ее собственному выражению, "с тех пор прилепилась к народу еврейскому, его языку и литературе".

В 1924 году родилась дочь Мира, Мириам, а в 1925 году они приехали в Эрец-Исраэль. К тому времени ее имя и ее стихи уже печатались во многих еврейских журналах.

Как сложилась ее жизнь и творческая судьба в стране Израиля? Понимала ли, что слава, когда царил в ее зените, не вечна? Шимон Быховский любил жену и гордился, что не без его усилий и влияния выросла ивритская поэтесса Элишева, и завоевывает сердца и читателей и критики. Практически ради нее он сначала открыл издательство в Москве, где вышли две ее первые книги на русском языке, а по приезде в Эрец-Исраэль - и в Тель-Авиве. Он хорошо знал свое ремесло. Библиография статей, написанных об Элишеве в те годы, была намного длиннее списка изданных ею книг. Само ее "восхождение" в Эрец-Исраэль и отличное знание иврита вызывали столько толков, что на литературные вечера иногда приходили просто поглазеть на нее, как на редкое, редкостное растение... Но интересовались ее творчеством и знатоки литературы, умевшие оценить дар истинно талантливого поэта. Негромким чтением стихов Элишева производила некий фурор еще и тем, что писала и произносила стихи на "сефардском" иврите, впрочем, как и Рахель, опередив в этом отношении лет на десять и Бялика и Черниковского... Она говорила так, как говорили они, ее слушали. А лиризм ее поэзии привлекал даже таких композиторов, как Йоэль Энгель и Даниэль Самборский. Оба писали на ее стихи музыку. А сам доктор Йосеф Клаузнер, выдающийся литературовед, историк, лингвист, открывал в Иерусалиме вечер Элишевы... Но и талантливому человеку без деловой жилки, да еще женщине, трудно пробиться без посторонней помощи. Элишева пока об этом не думает.

Она оставалась, в общем, равнодушной к шумихе, окружавшей и ее, и ее имя. Во время одного из своих турне, в 1927 году, она пишет из Польши одному из друзей: "До чего этот шум далек от меня, как это давит, как это скучно. Все это реклама и все это глупость. Мое наслаждение всегда в вещах, мне не подвластных..."

И вдруг мироздание рухнуло. Как человек продолжает жить, когда начинает понимать, что реально он мало кому нужен... Судьба Элишевы могла бы сложиться более счастливо, если бы рядом продолжал оставаться Шимон - ее друг, муж, опора, издатель ее книг, организатор поэ-

Элишева с Мирочкой на руках. Ветреный день. Они жили недалеко от моря. Ветер, песок, верблюды - таким был берег Тель-Авива в 1925-1926 гг. Фото Ш.Корбмана

тических турне по Европе... Покуда он был жив, выходили в свет книги стихов, несколько сборников, иногда тираж книги раскупался мгновенно и тут же выходил новый, переиздавалась и книга рассказов, имел успех и небольшой роман, скорее, повесть "Симтаот" ("Переулки") - о московской богеме 20-х годов. Она начала его писать еще в Москве, а завершила в Тель-Авиве.

Шимон Быховский скончался во время одного из турне, в 1932 году. Элишева осталась одна, с ребенком на руках. Дочь Мира вспоминала: "Когда мы были в Кишиневе, у папы случился инфаркт, и он умер. Похоронили его там. Я помню выступления возле могилы, а после похорон мама потеряла сознание". Вернулась Элишева домой надломленным человеком. Девочке было тогда 8 лет, а ей - 44.

Не будь поэтесса так прочно связана с ивритом, именно с ее любимым языком, в определенной степени, и с местом обитания, могла бы тогда, наверное, похоронив мужа, остаться в России. Но ее тянуло домой: "ки маца нафши моладэта" ("потому что душа обрела свою родину"). Она вернулась в Тель-Авив. Хотела устроиться библиотечарем в Центральную библиотеку "Шаар Цион" (ныне называется также библиотекой "Бейт-Ариэла"), но ее не взяли. И Бялик и другие литераторы за нее просили. Не получилось. Почему? Неизвестно. Непонятно. Бялик добился для нее ежемесячной помощи из какого-то фонда. Жила - не роптала. И одежду себе умела перешить. И прачкой подработала. Помимо поэтического творчества и прозы, Элишева много занималась журналистикой - выступала в печати как автор статей и переводчица. Тоска изливалась в стихах.

"Золотым дождем струит листопад / Сквозь осеннюю синеву. / Опадают листья, летят, летят, / Тихо падают на траву. // Почему листва, что так хороша, / Отмирает, как жизнь, легко? / Почему ко многим лежит душа, / А они далеко, далеко?.." (пер. Я.Хромченко)

Еще в России она начала переводить сначала с идиша на русский, зная немного немецкий, сама удивлялась, как легко ей учить идиш, потом переводила для детей на иврит. Кроме стихов и прозы, в

1929 году написала большую работу "Человек и поэт" - о поэзии Александра Блока. Я обращалась к замечательной переводчице и знатоку ивритской и русской поэзии, упомянутой уже Давиде Крол, которая знала уйму стихов Элишевы наизусть, и мы чуть ли не в один голос сказали друг другу: "Слышишь, как они напевны?", но напеть она не могла ни одной песни. А ведь стихи ее коротки, искренни, музыкальны, но Рахель, Лею Гольдберг поют, а ее - нет. Пели. Когда-то. А сейчас нашла в ютубе исполнение (и тексты) всего около десятка песен. Стихотворение "Такой подарок" на иврите поют. "Зот хи а-матана - / Перах ше-эйн ло реях. / Нигла ли ба-ахрона: / Еш цаар ве ну месамеях".

"Лишенный запаха цветок / Мне в дар принять почти не жаль. / Мне открывается в свой срок, / Что пахнет радостью печаль. //

Прохожий, я твой дар - цветок / Без огорчения приму. / Все выдыхается в свой срок, / И небо сеет свет сквозь мглу. //

А здесь, в кладбищенском саду, / И неподвижность, и покой. / Могила друга обойду, / Не прикоснувшись к ней рукой".

Переводили Элишеву Лия Владимировна и Яков Хромченко (сборник "Я себя до конца рассказала". Библ-ка Алия, 1990). И, как обычно, что-то удалось лучше, что-то оказалось орешком крепче. Пробовали и другие. Почему-то не получается. А пример этот лишь для того, чтобы показать сказанное - как мелодичен стих Элишевы, как легко мог бы петься...

Стихи Элишевы близки по характеру и стилистике творчеству Рахели, но они тише, они менее драматизированы, хотя иногда не менее трагедийны. Рахель во всем живет сама, ее любовь к Израилю - счастливая любовь. Элишева замкнута, и она здесь, но она могла бы такое писать и на другом континенте. Рахель возделывала землю, сажала, полола. Элишева сказала про себя: "Никогда не взрастила цветка, никогда не сажала ростка, только вас, бесконечные сны".

В 1930 году, еще жив муж, она пишет знакомому, что хотела бы поехать в Южную Африку. В 1943 году говорит писательнице Дворе Барон, что "совсем никому не нужна"...

Даже такой тонкий исследователь ее жизни и творчества, как Ешурун Кешет - и тот отдал дань соблазнительной и, казалось бы, логичной мысли, что она прошла гиюр... Перед захоронением заглядывают в бумаги. Самой-то ей такого рода вещи были безразличны, но документа о гиюре не нашли.

Она ничего не делала, чтобы поправить свое положение. Авраам Бройдес в своей книге "Встречи и беседы с писателями" рассказывает о своих посещениях Элишевы - он регулярно приносил ей чек, поступавший из писательского фонда... "Ее "цириф" (сарай, барак) в шхуне Монтефиори стоит на пустом дворе, вокруг песок - ни зелени, ни единого деревца, внутри душно, мухи... Она подает мне веер отгонять их. Вот примус, чайник, полотенце, оно висит на гвозде, подсвечник - в нем полусгоревшая свеча. Стол посреди комнаты, на нем тарелка, сухой хлеб, остатки сыра, пустая молочная бутылка. Ахматова, Блок рядом с книгами Гнесина и Шофмана". Мух она объяснила тем, что у соседа во дворе коровы...

Элишева вслушивается в пение птицы за окном, рассказывает он о другом визите, когда в комнату после проливных дождей можно было забраться только в окно, и то с помощью лестницы. И вот, когда вошли, наконец, а он был с одним молодым поэтом, Элишева приложила палец к губам: ш-ш - птица поет за окном...

К тому времени ее дочь Мира, с отличием закончив учебу в прославленной гимназии "Герцлия", записалась добровольцем в британскую армию, вышла замуж за английского солдата, уехала с ним в Кению, позднее переехала в Англию, родила дочь... Потом еще одну, и еще одну... Элишева не увидит своих внуков никогда.

Миру Литл разыщет в Англии одна журналистка. Как она, Мириам, была счастлива заговорить на иврите, который знала и любила, а поговорить не с кем было. Потом она сама побывала в Израиле, пришла на могилку мамы. С мужем вроде развелась. Жива ли?

Моше Басок, журналист и писатель, рассказывает, что в 1948 году посетил Элишеву в Твери, куда ей помогли перебраться из-за острого воспаления суставов. Она ничего не хотела принимать: ни еды, ни сладостей, ни фруктов: "Я почти ничего не ем". Душистый горошек приняла, его очень любила. Басок ехал по берегу Кинерета и повторял про себя посвященные этому чудесному озеру стихи Элишевы. Писатели знали: и она, как Рахель, хотела быть похороненной именно здесь. И добились своего!

Элишева, искавшая на берегах этих покоя и любви, умерла 27 марта 1949 года, когда волны озера Кинерет бились в какой-то бешеной пляске. И рядом с могилкой Рахели возникла еще одна могила - берег Кинерета принял, уже для вечного покоя, Элишеву.

*Волна, шепчась с волной, почти уснула,
Кинерет отдыхает. Тишина.
Вот чайка белокрылая блеснула,
Как тень, на миг в волнах она мелькнула,
Вот в сердце песни дрогнула струна...*

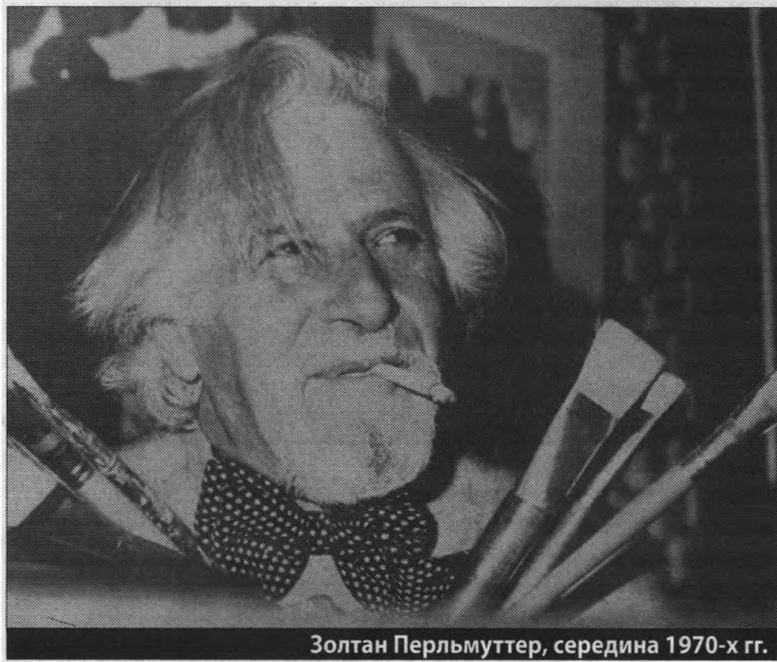
ВЕЧНЫЙ СКИТАЛЕЦ ЗОЛТАН ПЕРЛЬМУТТЕР

**Алек Д. ЭПШТЕЙН
и Андрей КОЖЕВНИКОВ**

Эмиграция стала в последнее столетие феноменом столь частым, что редко когда встретишь человека, ушедшего из жизни там же, где он появился на свет. И все же даже в эту эпоху "перемещения народов" найти человека, в разное время подолгу жившего в шести разных странах, в каждой из которых - свой, отдельный язык, довольно сложно. Однако на долю художника Золтана Перльмуттера, восемьдесят лет жизни которого прошли в Румынии, Венгрии, Израиле, Бельгии, Британии и Германии, выпала именно такая судьба...

Он родился в городе Дева в Трансильвании (ныне - на территории Румынии) в 1922 году. Живописью занимались его мать и оба ее брата, а также их отец. После окончания учебы в гимназии он поступил в лицей в городке Децебал (ныне - в составе округа Сату-Маре в Румынии), откуда вскоре перешел в художественную школу, желая с течением времени стать профессиональным живописцем. Начиная с 1939 года, вместе со своей невестой он несколько раз переходил границу из Румынии в Венгрию и обратно, стараясь найти убежище от неуклонно росшего нацистского антисемитизма. В 1940 году в гор. Коложвар (ныне - Клуж-Напока) Золтан женился и в том же году впервые стал отцом.

Вскоре после рождения дочери Марианны Перльмуттер, как и многие другие румынские евреи, был арестован. Ему удалось бежать из тюрьмы, однако вскоре он был задержан вновь, и после семи месяцев заключения приговорен к высшей мере наказания, позднее замененной на двадцатипятилетний срок. На протяжении двух с половиной лет он последовательно находился в трех контролируемых нацистами и румынскими фашистами лагерях принудительного труда в Транснистрии (на территории нынешних Молдавии и Украины). Как рассказывал сам художник, именно в этот период он, прежде достаточно индифферентно относившийся к еврейству и к иудаизму, принял решение, что если ему удастся выжить, то он будет стремиться

Золтан Перльмуттер, середина 1970-х гг.

к иммиграции в Эрец-Исраэль.

В начале 1944 года, когда войска Красной армии в ходе Днепровско-Карпатской наступательной операции выбили немецкие и румынские войска с правобережной Украины, оставшиеся в живых узники концлагеря, в котором находился Перльмуттер, общей численностью около тысячи человек, были выведены в поле на расстрел. 22-летний Золтан был ранен в ногу чуть выше колена, упал на землю и пролежал так девять часов, пока нацистские войска не покинули район. В ходе этой бойни спастись удалось примерно шестидесяти бывшим узникам концлагеря, обретшим таким образом свободу. Вместе с несколькими из них Перльмуттер начал путь в Бухарест, где надеялся найти своих родных; на протяжении трех недель, лишь изредка имея возможность хоть где-то получить еду и минимальную помощь, они шли в вечерние и ночные часы, стараясь прятаться днем. Перльмуттер и двое его товарищей были задержаны вновь в гор. Брэила (Браилов), но им удалось бежать.

В самом конце февраля 1944 года Перльмуттер вернулся в Бухарест, где нашел свою супругу, однако их отношения не пережили столь длительной разлуки. Забрав дочь, которая провела годы войны с его родителями в городе Алба-Юлия в 270 километрах к северо-западу от Бухареста, Перльмуттер начал новый этап своей жизни, вскоре женившись еще раз; в этом браке родилась его вторая дочь,

Ханна. Стремясь реализовать свой творческий дар, после окончания войны Перльмуттер учился в академиях изящных искусств в Клуже (ныне - Клуж-Напока, Румыния) и в Бухаресте, после чего работал художником-оформителем.

В 1950 году Золтан с супругой Еленой и двумя дочерьми иммигрировали в Израиль. Семья была направлена в так называемый "лагерь репатриантов" в городке Тират а-Кармель к югу от Хайфы, где новоприбывшие размещались в брезентовых палатках. В первые месяцы жизни в Израиле художник был занят на самых простых работах: ему приходилось и подметать улицы, и носить тяжести... В 1952 году, вместе с другими иммигрантами из Румынии, семья Перльмуттер была переселена в основанный незадолго до этого мошав Кисалон, находившийся между Иерусалимом и городом Бейт-Шемеш, в то время - почти у самой линии израильско-иорданской границы (так называемой "зеленой чертой"). В мошаве Золтан Перльмуттер был занят на сельскохозяйственных работах, а в те вечера, которые были свободны от дежурств и участия в патрулировании близлежащей территории, занимался живописью и росписью керамических изделий. В 1953 году он начал преподавать рисование детям в близлежащей школе. Однако он жаждал другого - возможности продемонстрировать людям свои художественные произведения...

Художнику принадлежит

значительное количество работ, преимущественно экспрессионистских пейзажей и полотен, посвященных еврейским бродячим музыкантам (вследствие чего отдельные критики сравнивали его с Мане-Кацем), написанных маслом, акриловыми красками и гуашью, а также графических листов, свидетельствующих о его незаурядном мастерстве рисовальщика.

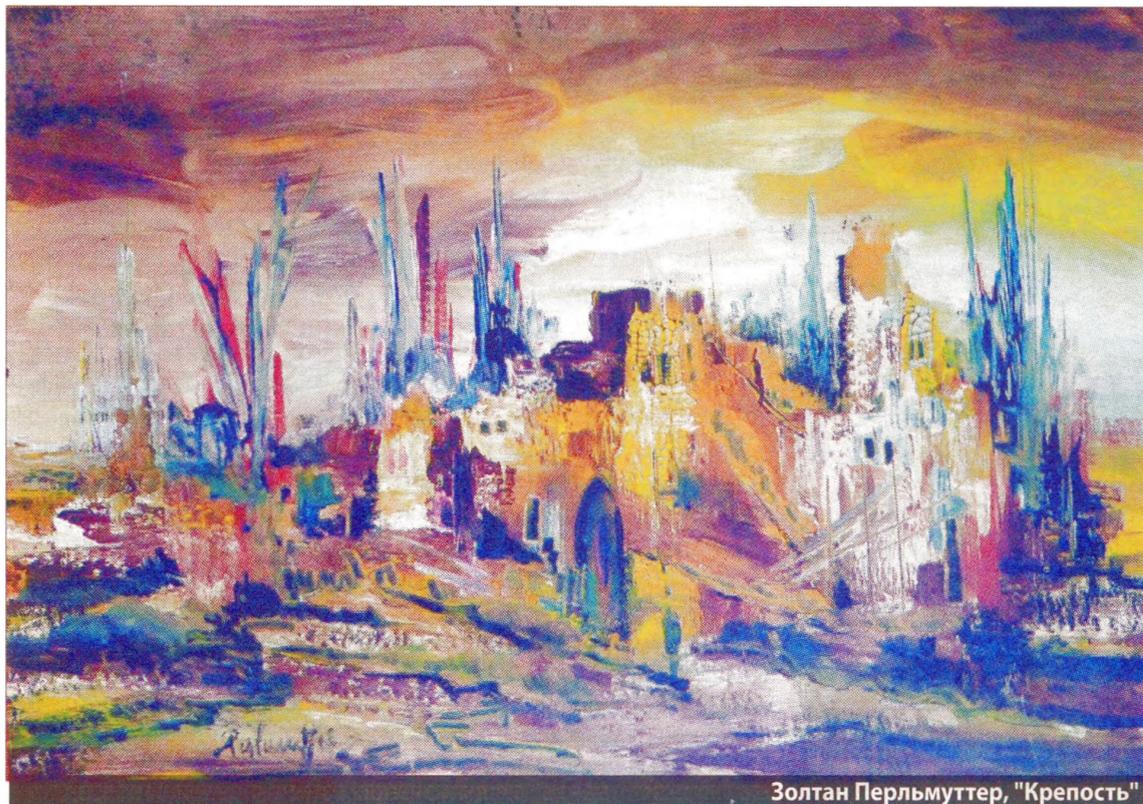
Стремление Перльмуттера организовать выставку увенчалось успехом; она открылась в том же 1953 году в клубе ВИЦО в Тель-Авиве, причем на ее открытии выступила супруга младшего брата первого президента Израиля Иехудит (Ида) Вейцман (урожденная Кричевская, 1895-1963), сын которой, легендарный командующий военно-воздушными силами израильской армии Эзер Вейцман (1924-2005) в 1993 году сам был избран президентом страны. В последующие двадцать лет персональные выставки Золтана Перльмуттера прошли во многих городах Израиля, в том числе в Иерусалиме, Цфате и Нетании. Ценители живописи покупали его произведения, которые благодаря этому сохранились в Израиле и тогда, когда сам художник уехал в Западную Европу.

На картине Золтана Перльмуттера "Крепость" из звонких, красочных, порывистых мазков рождаются очертания цитадели, переливающейся красками самоцветов, бесстрашно восстающей над пустыней и синевой моря к самой небесной тверди. Небо охвачено световой бурей, в которой фантастические золотистые лучи пробиваются сквозь серо-фиолетовые волнистые клубы грозных облаков, проливаясь ослепительным бело-серебристым и лимонно-желтым сиянием на крыши города, которые играют на свету бронзово-оранжевым и голубовато-розовым огнем. Стены крепости сверкают безудержно яркими, солнечными, пронзительно-желтыми, волнующими голубыми красками, ее цвета будто стремятся как можно ярче вспыхнуть на полотне, озарить путь странника и остаться в сердце зрителя, и вся она напоминает сказочный мир, удивительное видение надежды, которое зовет и манит к себе.

Эта цитадель - будто библейское видение, выстраданный образ Земли обетованной, рожденная в воображении скитальца обитель мира и благоденствия, которая сулит спасение и защиту. Перед зрителем - образ мечты, которая родилась в душе художника в те страшные годы, когда среди ужасов концлагеря он дал себе зарок, что, если останется в живых, то начнет новую жизнь в Эрец-Исраэль. Это то убежище, к которому сам живописец так стремился, чудом выжив в трагические годы Холокоста, и которое стольким людям так и не суждено было обрести. Башни и зубцы высоких стен, будто мощные кроны вековых кедров, уверенно вздымаются вверх, готовые спорить со стихией - становясь той непоколебимой твердыней, где народ-изгнанник наконец обретет пристанище, защиту и веру в новое будущее.

На полотне "Клейзмеры" изображена группа музыкантов с контрабасами, скрипками и барабанами, самозабвенно погруженных в игру. Гармония и переливы звуков полностью захватили их - вдохновенные движения энергичны и порывисты; на холсте нет ничего больше, его целиком заполнила музыка. И, отдаваясь своему искусству, клейзмеры, чьи фигуры уже неотделимы от очертаний скрипок и флейт, словно сливаются воедино со своими инструментами, которые превращаются в самостоятельных, живых персонажей картины и почти затмевают человеческие силуэты, сами становясь творцами музыки. Изгибы и гриф контрабаса, выпуклые бока барабана выписаны крупно, щедро, сочно, почти осязаемо, и кажется, что сами звуки мелодии, непредсказуемые, легкие и безудержные, свободно пролившись в теплом воздухе, застыли в этих мазках, линиях и пятнах.

Еврейские музыканты, чья игра звучала когда-то на улицах румынского городка в далеком детстве художника, выписаны крупными, расплывчатыми мазками, краски почти смешиваются в единой зеленовато-бежевой палитре, греющей душу своими мягкими тонами. И полупрозрачные силуэты клейзмеров становятся почти невесомыми, едва уловимыми, подобно смутным, но неизменно светлым воспоминаниям из далекого детства, которые приходят, чтобы вновь растаять, будто дымка грезы, явившейся из глубин памяти, из того мира, в котором родился и вырос мастер, и который навсегда унич-

Золтан Перльмуттер, "Крепость"

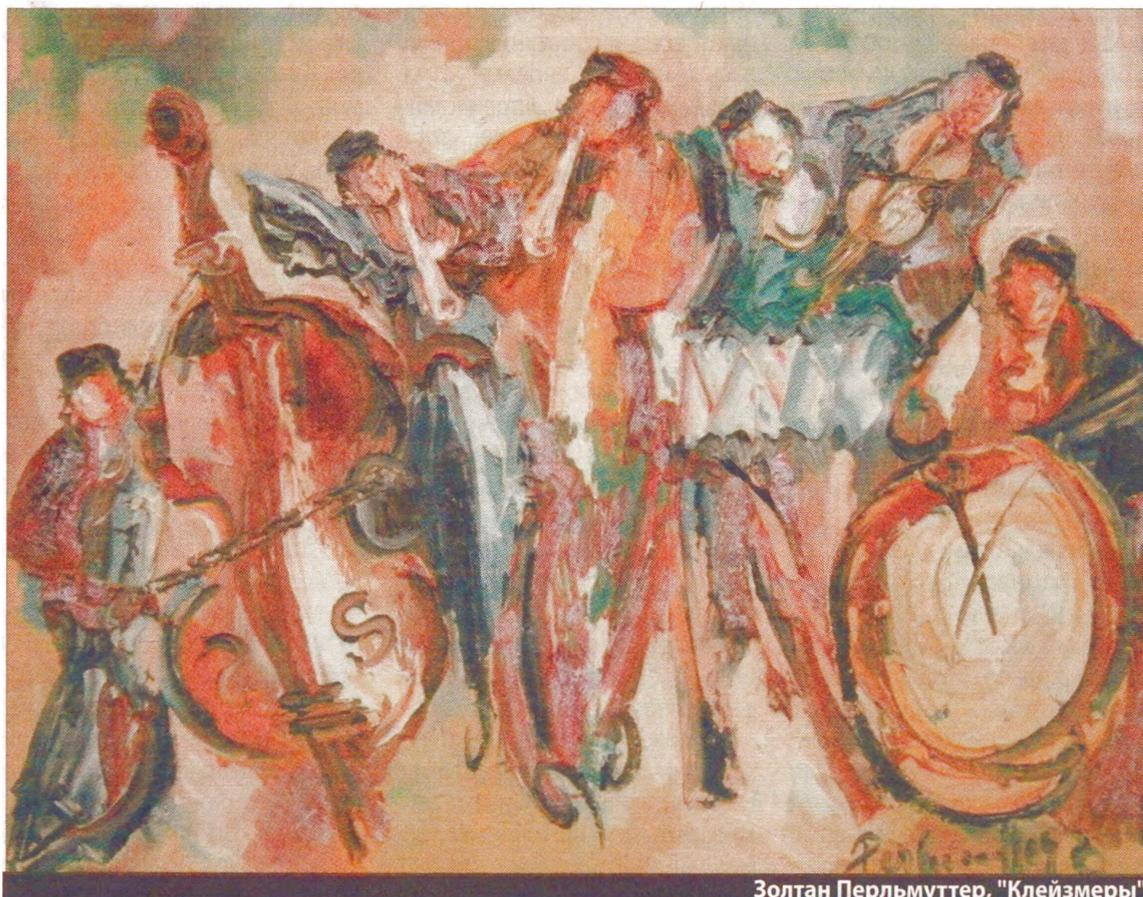
тожили война и Холокост.

На картине "Агасфер" художник явил зрителю издавна знакомый образ еврея - вечно-го скитальца: седовласый старец с длинной бородой, в кипе, в красной поношенной одежде и стоптанных башмаках, сжимающий в руке крошечную, почти пустую котомку с нехитрыми пожитками и опирающийся на зонтик, который служит ему посохом. Он идет по пустынной улице безлюдного города, который нависает вокруг него крепкими иссиня-белесыми, будто ледяными стенами, неприютными и молчаливыми, навсегда закрытыми для странника, с острыми выступами и зубцами, без единого окошка

или двери. И лишь позади, в арке туманно мерцают холодные блики, а сверху на него проливается белый свет безразличной луны, негреющий и почти что неживой. Это образ вечно-го изгнанника, одинокого и непонятого, давний собирательный образ еврейского народа, отвергаемого и гонимого, на протяжении тысячелетий нигде не находящего пристанища. Художник, еще в довоенной юности пытавшийся спастись от антисемитизма, несколько раз переходя румынско-венгерскую границу, бежавший от нацистов и вновь схваченный, прошедший через концлагеря и в итоге чудом оставшийся в живых, добравшийся до

Израиля, но и там не прижившийся, выразил в этом глубоко, до жгучей боли прочувствованном им самим образе гонимого страдальца ту горечь потерь, отвержения, неприкаянности и вечной невозполнимой утраты, которую пронес через всю свою жизнь.

После того, как Золтан Перльмуттер в 1962 года покинул Израиль, он жил преимущественно в Бельгии (в частности, в городке Кнокке на берегу Северного моря). Позднее он жил и работал в Лондоне, где основал свою художественную школу (Helm Stet Art Academy), которой руководил на протяжении ряда лет. Кроме картин, он создал десятки бронзовых

Золтан Перльмуттер, "Клейзмеры"

скульптур, причем на эту грань его творчества очевидное влияние оказали работы Огюста Родена и Альберто Джакометти. Последние годы жизни Перльмуттер провел в Дюссельдорфе, где и скончался в 2002 году.

Работы Перльмуттера находятся в собраниях музеев во Франции, Румынии, Израиле и на Мальте, а может быть, и в других странах - отсутствие каталога его работ не позволяет делать какие-либо твердые выводы об их судьбе. Его созданная в

выставок прошли при жизни художника в Антверпене, Роттердаме, Монреале, Нью-Йорке, Филадельфии, Париже, а также в различных еврейских организациях в Лондоне, Амстердаме, Сиднее и других городах.

Однако за пятнадцать лет, прошедших после кончины Золтана Перльмуттера, о нем стали забывать; художник, живший в шести разных государствах, не был "усыновлен" ни одним из них... Очень хотелось бы, чтобы эта несправедливость была исправлена, чтобы хотя бы

Золтан Перльмуттер, "Агасфер"

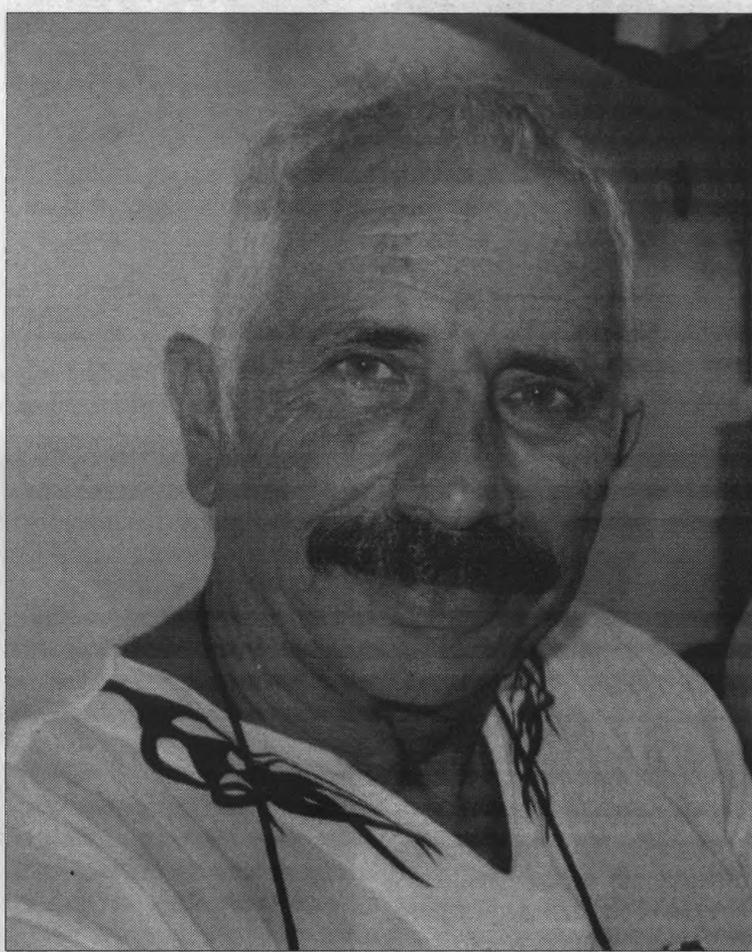
Израиле картина "Улица в Хайфе" находится в лондонском собрании The Ben Uri Art Society (бывш. The Jewish National Decorative Art Association) - одной из крупнейших музейных коллекций европейского еврейского искусства в мире. В 1978 году под редакцией Жака Серрюи в бельгийском городе Брюгге был издан (до сих пор единственный) монографический альбом, посвященный творчеству художника. Его произведения неоднократно успешно продавались на аукционах во Франции, Германии, Израиле и в других странах. Более сорока его персональных

в еврейском государстве сохранилась память об этом незаурядном живописце, сумевшем выжить и выстоять вопреки всем трагическим обстоятельствам, выпавшим на его долю. Через пять лет будет отмечаться столетие со дня рождения Золтана Перльмуттера; учитывая, в скольких странах в музеях, галереях и многочисленных частных собраниях находятся его работы, очевидно, что достойная ретроспективная выставка, представляющая разные грани и периоды его творчества, станет возможной только, если начать готовить ее уже сейчас.

Моисей ЛЕМСТЕР

Фрима-румынка

ДВА РАССКАЗА

Она еще не родилась, еще лежала в утробе матери, а ее уже не любили. Ни та женщина, которая должна была вскоре стать ее матерью, ни будущие бабушка с дедушкой, ни родственники. Когда женщина почувствовала у себя в утробе первое движение плода, она ударила себя по животу, приговаривая при этом: "А ну, не двигайся, лежи тихо!" И в утробе матери она пробыла более девяти месяцев, словно не хотела являться на этот недружелюбный свет.

Бессарабия была частью Великой Румынии. Хава со своими родителями жила в молдавском селе. Когда ей было лет восемнадцать, ее изнасиловал начальник местной жандармерии. Она забеременела. Ее родители сняли для нее дом в нашем местечке. Родилась девочка. При рождении девочка не кричала, не плакала, как обычно это делают новорожденные. Взгляд ее не по возрасту понятливых больших голубых глаз как бы говорил окружающему ее миру: "Я уже попробовала вкус жизни, я выплакала свои слезы еще в утробе матери..." О ее жизненном опыте говорили и несколько морщинок на детском лбу. Позже девочка тоже не плакала. Когда она была голодна, она смотрела на Хаву и молчала. А если уж Хава давала ребенку грудь, то она, Хава, добавляла: "Дер варгн золсту верн!" ("Чтобы ты подавилась!").

Девочке дали имя - Фрима. Не в память по какой-то из умерших бабушек Хавы. Просто их знакомая, сельская еврейка, не имела детей, и она попросила, чтобы девочку назвали в честь ее недавно умершей матери.

Девочке не было знакомо слово "мама" - только Хава. Но она очень редко обращалась к Хаве - не просила есть, не жаловалась на боли во время болезни. Когда Хава звала ее к столу со словами: "Гей шойн фрэнс" ("Иди уже жрать"), она молча садилась за стол. Ласкательное имя "Фримелэ" она никогда и ни от кого не слышала. Только - Фрима. На каждом шагу Хава шлепала ее, щипала, била, как будто она мстила тому румынскому жандарму, который испортил, поломал ее юную жизнь.

Фрима выросла, но в росте почти не прибавляла, словно прижималась к земле, чтобы ее не видели, чтобы ее не доставали обжигающие ладони Хавы. С самого детства она была сгор-

бившейся, все больше смотрела вниз, не поднимала головы, чтобы не замечать этот злой, враждебный к ней мир.

Конечно, ни в какую школу Хава ее не посылала. Дети с ней не играли. Фрима только глядела в окно, своими большими голубыми глазами, как дети пробегают мимо, играют, смеются, гуляют по вечерам со своими родителями. Кто видел ее стоящей у окна, не мог понять, кто находится в комнате, по ту сторону окна - ребенок или взрослая женщина?

Во время еврейских праздников ее не брали с собой в синагогу. На Хануку ей не давали ханукальных денег, на Пурим - подарков... Когда девочке исполнилось двенадцать лет, она стала учиться швейному мастерству. Портниху, у которой она училась шить женские платья, звали у нас в местечке "Энтэ митн энтл" ("Энта с ручкой"), потому что ее правая рука, в отличие от нормальной левой, была неразвитой и маленькой, как у ребенка. Фрима приходилось больше помогать ей по домашнему хозяйству, чем обучаться шитью. Больших способностей она не проявила. Возможно, тумачи, которые она постоянно получала от Хавы, сбивали с этого юного деревца все ростки способностей, которые должны были когда-то распусться, расцвести, принести плоды...

К этому времени Фрима уже

получила кличку - Фрима-румынка. Разумеется, в местечке быстро узнали о ее происхождении и тут же придумали для нее это прозвище. А коль у нас кто-то удостоивался чести иметь прозвище, то, значит, он уже не ребенок, а взрослый человек. Низкорослая Фрима с полукруглой спиной, с морщинами на лбу выглядела в свои восемнадцать лет женщиной лет сорока.

Когда началась война и румынские войска заняли ставшую к тому времени советской Молдавию, ее и Хаву вместе с другими евреями местечка погнали дорогой страданий и смерти в гетто Транснистрии. В Косзучий лес, что недалеко от молдавского села Косзучь и реки Днестр, румынские солдаты согнали тысячи евреев. Здесь они пробыли несколько суток, спали по ночам, под осенними ливнями, прислонившись к стволам деревьев. Здесь, в этом лесу, Фрима потеряла свою мать. Злые языки говорили, что ее мать просто спряталась среди евреев и, таким образом, навсегда рассталась со своей несчастной дочкой.

Фрима вместе с другими евреями попала в гетто города Бершадь. Одна-одинешенька, без копейки денег, без каких-либо вещей, которые можно было обменять на кусок хлеба. Когда кто-то ел, она стояла молча и смотрела, не говоря ни слова, пока сжалившись, ей не давали

картофелину, кусочек хлеба, половину яблока... Вместе с несколькими семьями евреев из нашего местечка она поселилась в хлеву, где раньше содержались коровы. Ее прозвище "Фрима-румынка" не смягчало сердца евреев, так страдавших от румынских солдат и офицеров.

Был среди евреев нашего местечка еврей по имени Залман. Он сотрудничал с румынской властью в гетто. Собирал для румынских офицеров драгоценности, серебряные и золотые кольца, браслеты, сережки, сохранившиеся у некоторых наших евреев. Время от времени он подбирал для высокопоставленных офицеров еврейских девушек, молодых женщин. Однажды румынский офицер спросил у Залмана: "Кто эта странная низкорослая девушка или женщина, которую зовут Фрима-румынка". Залман рассказал ему историю, произошедшую с Хавой.

Исхудавшая Фрима вызвала у офицера жалость. Он стал давать ей половину буханки хлеба, яйцо, вареный картофель. Потом этот офицер выписал ей разрешение, дававшее право в любое время выходить из гетто. Она ходила в расположенные вокруг Бершади украинские села, просила хлеб, картошину, а чаще всего помогала крестьянам вскапывать огород, убирать в хлеву или, у кого имелась швейная машинка, что-то шить. Много она не ела, не была жадной и всем заработанным делилась с нашими евреями, с маленькими детьми. Евреи стали давать ей разные вещи, чтобы она их выменяла у крестьян на продукты. И она это делала честно, ни разу никого не обманув. Таким образом, она спасла от голодной смерти немало моих земляков...

Когда Красная армия освободила Бессарабию, она вместе с другими евреями вернулась в наше местечко. Но жилья у нее не было. И вначале она жила в оставшихся после войны полуразрушенных домах. Затем ночевала поочередно то в одной еврейской семье, то в другой. Как правило, у тех, кто помнил и был ей благодарен за добрые дела в гетто Бершади.

В советское время необходимо было паспорт, нужно было знать русский язык. Она говорила только на идиш и немного по-молдавски. Гриша Фукс пошел с ней в паспортный стол местечка

и приписал ее к себе. Благодаря этому она получила паспорт. Больше Фрима-румынка не имела дел с советской властью. Она, конечно, не могла объять грандиозность социалистического строительства, планы пятилеток, понять суть парадов и демонстраций во время советских праздников с сотнями красных флагов. Фрима все советские праздники называла одной фразой: "Дер ройтэр раш" - красный шум. Она так и говорила: "Сегодня красный шум".

Во время похорон стояла у ворот кладбища, прося милостыню. Она просила ее и во время еврейских праздников и даже тогда, когда в местечке был, как она говорила, красный шум. Во время свадеб она стояла у дверей свадебного зала и тоже просила милостыню. С бездонной тоской в глазах смотрела, как танцует невеста в белом свадебном платье с женихом. Как кружат хоровод вокруг матерей молодых супругов евреи, напевая свадебную песню: "Махет эйнестэ майнэ..." ("Сватья моя").

Ей очень нравилось слушать как играет на скрипке "Чокырлю" - песню жаворонка - наш "лэутар", молдавский музыкант цыганского происхождения - Метя. Слушая звуки скрипки, она представляла себе, как она превращается в жаворонка и поет оттуда сверху волшебную песню, а евреи нашего местечка удивляются: "Смотрите, смотрите, ведь это она, Фрима-румынка!"

Время от времени она ночевала у нас, помогая моей маме распаривать пару старых брюк, гладить чье-то платье... Мне уже исполнилось в то время 13 лет. Как-то, будучи у нас, говорит мне Фрима: "Мойше, сделай одолжение, врач выписал мне мазь, натри мне ею спину, потому что у меня болят лопатки. Когда я натирал мазью ее полукруглую спину, она вдруг сказала: "Сэ тит мих вэйдил о пэтэмит дэр кочерэ" ("У меня болит лопатка и кочерга"). При этом она рассмеялась тихим, мелким смехом. Она несколько раз повторила свою хохму с "лопаткой и кочергой", и смеялась так, что даже слеза показалась на ее глазах. Даже не слеза, а так, слезинка, маленькая капелька.

Мазь для "лопатки и кочерги" выписал ей популярный у нас, особенно у женщин терапевт Аксентон. Он был красив, молод, внимателен к больным, умел выслушать жалобы своих пациентов. Фрима раз, а то и два в неделю ходила в поликлинику к доктору "Арцнтону" (арц - сердце), как она его называла, на

прием. Только для него она красила помадой губы и припудривала лицо. Бесплатная медицина при социализме была, быть может, единственным правом, которым она пользовалась. Аксентон всегда ее очень внимательно выслушивал, давал ей возможность высказаться на идиш о своих болячках, хотя за дверью ожидала длинная очередь. После того как рецепт был выписан, Аксентон при расставании зачастую клал ей в карман пару рублей. Она выходила из кабинета врача окрыленная, а Аксентон в своем белом халате казался ей ангелом небесным. "Очевидно, я тоже человек, как и все другие люди, похожая на всех", - думала она.

Как-то в Судный день, когда большинство евреев местечка постились, Фрима сидела на скамье, что перед домом Гриши Фукса. Стоял приятный, бессарабский осенний день. Листья на деревьях уже краснели, но еще не обрели золотых красок. Солнце садилось за горизонт и нежно гладило своими теплыми лучами морщинистое лицо Фримы. Небо было чистым, без единого облачка. Вокруг царил светлая тишина. В воздухе чувствовались запахи осенних яблок, молодого, играющего в бочках вина... Вдруг Фримарумынка впервые в жизни обратилась к Б-гу. Это не была молитва или претензия - это был вопрос: "Готэню, Боженька, - воскликнула Фрима, - как совмещается с этим божественно красивым миром моя уродливая, ничемная, безобразная жизнь, ответь мне!"

И, возможно, Вс-вышний в этот день, когда на небесах решаются судьбы людей, услышал ее вопрос и Сам удивился, как такое может совмещаться... Так, сидя на скамейке Гриши Фукса, испустила дух Фрима. Ее душа белым жаворонком взлетела в небеса, покинув убогое тело, распевая песню свободы, так похожую на мелодию, которую играл на скрипке наш лэутар Метя...

*Авторизованный перевод
с идиша Владимира Хазана*

Веселый заготовитель Мойша и грустный физик Вова

Вы скажете: "Вус? Вер? Вэн? Ништ гештойгн, ништ гефлойгн!" ("Что? Кто? Когда? На мужика лают ворота!"). Какое может иметь отношение Мойше-заготовитель, который разъезжает по селам, закупает у крестьян всякую всячину по 60 ко-

пеек, отчитывается в заготконторе, что купил за рубль, а разницу кладет себе в карман, - к физическому закону сохранения малых величин, который открыл Вова, участвовавший в разработке беспилотных самолетов в Израиле? Быть такого не может и быть не могло никогда! Но не торопитесь! Послушайте, что я вам расскажу, а уж потом судите, анализируйте, сопоставляйте, делайте выводы...

В конце 50-х годов прошлого столетия, у нас в местечке больших свадеб не устраивали. Максимум до ста гостей. И залов больших не снимали, а играли свадьбу в чьем-то большом доме. Например, у Трейгеров, живших на улице Сталина. В этом отдельно стоящем доме был вместительный зал, где могло разместиться человек 50-60, и две комнаты поменьше, где сидели еще человек 50. Играл или патефон с пластинками, или аккордеонист. Вот на такой свадьбе и произошло, в общем-то, незаметное событие, сыгравшее, однако, важную роль в жизни одного из наших героев.

Вове в ту пору было 12 лет. Отца у него не было. Мама его работала бухгалтером на консервном заводе и одна воспитывала сына. Их соседом был Мойше, заготовитель районной заготконторы. Как-то пригласили семью Мойше и Вовину маму на свадьбу, которую играли как раз у Трейгеров. Мама взяла Вову с собой, чтобы он тоже хорошо поел, ибо в то время люди жили небогато и ели маловато. Вова не только ел, но и с аппетитом пил много сладкого лимонада. Через какое-то время ему захотелось пописать. Удобства тогда были во дворе. На улице уже было темно, и мама попросила соседа Мойшу, чтобы тот пошел с ее сыном, с Вовой, на улицу справить нужду.

Вдвоем они подошли к сложенному во дворе дровам, заготовленным на зиму, и стали мочиться. Вова инстинктивно, что свойственно мальчишкам, посмотрел на то, что Мойше держал в руках. Вначале Вове показалось, что его сосед держит в руках полено, взятое им из кучи, но, присмотревшись внимательней, он увидел, что из этого "полена" льется струя и что на самом деле у Мойше такой большой, как полено, объект мочеиспускания. Тогда Вова с дрожью в голосе, еле дыша, с надеждой в глазах, задал вопрос, о котором потом долго жалел: "Дядя Мойше, у меня тоже такой вырастет?" Мойше, который был человек веселый, да к тому же выпивший уже немало водки, ответил:

"Конечно! Если ты будешь слушать маму, хорошо кушать и примерно учиться!" А что еще может сказать взрослый - ребенку?..

Шло время. Вова очень старался примерно учиться, слушаться маму и хорошо есть, но никакого заметного роста у его мужского объектика не наблюдалось. Как тщательно он ни изучал его, даже школьная линейка не могла отыскать какого-то существенного прироста. Вова был парнишка умный и вскоре понял, что никакой функциональной зависимости между ростом его пениса и тремя условиями, названными Мойше, нет! Просто сосед его обманул. Ну, так "мэйлэ" - пусть будет так, в чем здесь трагедия? У большинства Вовиных сверстников было то же самое. И все бы ничего, если бы не этот веселый сосед Мойше!

С того времени, как Вова спросил на свадьбе: "Дядя Мойше, у меня тоже такой вырастет?", стоило только Мойше увидеть Вову, он тут же спрашивал сначала на идише: "Ну, Вовэ, сэ вакст, сэ вакст?", а затем, для надежности, чтобы Вова точно уяснил суть вопроса, пояснял по-русски: "Ну, Вова, как, растет, растет?" При этом Мойша улыбался, а чаще всего смеялся. Идет ли Вова в школу или из школы, соберется поиграть с мальчишками в футбол, Мойше тут как тут со своим вопросом: "Ну, Вовэ, сэ вакст, сэ вакст?" И смеется. И доволен своим вопросом. Еще бы, думал Вова, я бы, конечно, на его, на месте Мойше тоже был бы доволен. Вова стал прятаться от назойливого соседа, переходить на другую сторону улицы, но если все же тот его видел, то не стеснялся кричать на всю улицу: "Ну, Вовэ, сэ вакст, сэ вакст?" И если бы хоть росло! Такнет же! "Гурништ!" ("Ничего!"). Все у него удлинилось: руки, ноги, волосы, ногти, а "дер клейнер", его малец, как заговоренный! Рос издевательски медленно, как бы делая одолжение. И бедный Вова, хотя на улице никто из посторонних не понимал, о чем идет речь, услышав этот садистский вопрос, краснел, бледнел и убегал, чтобы поскорее куда-то забиться, спрятаться от Мойше. С тех пор Вова почти всю свою жизнь ходил с оглядкой, ему все казалось, что сейчас, там, за углом, он услышит все тот же вопрос...

Вова закончил с отличием школу, поступил в Кишиневский университет на физический факультет. Бывая на каникулах, он всячески избегал встреч с Мойше, хотя несколько раз он

таки натолкнулся на "Ну, Вовэ, сэ вакст, сэ вакст?".

Проучившись пять лет и окончив с отличием университет, он начал работать на одном из секретных кишиневских заводов. Женился, родил сына. Когда они с женой решили выехать на постоянное место жительства в Израиль, Вова уволился с секретного завода и еще некоторое время проработал энергетиком на каком-то предприятии...

В Израиле он устроился ведущим инженером на завод, выпускающий беспилотные самолеты. Здесь он и сделал свое открытие, сформулировав его в виде закона сохранения малых величин. Этот закон нашел практическое применение при создании летательных аппаратов. Что же натолкнуло его на открытие этого закона, какие аналогии способствовали этому, не знаю. Может быть?..

Но, как говорится: "Ло мир рэдн вегн фрэйлехе резахн" - поговорим о более веселых вещах, о нашем местечковом кладбище. Был у нас в местечке мастер на все руки - Рувин. Он окончил пединститут по специальности преподаватель физики. Начав работу в нашей школе, он вскоре понял, что преподавание физики - не его призвание. Но у него были "золотые руки" ("золотые руки"). За что бы он ни брался, делал Рувин это мастерски. Поработав еще немного в школе, преподавая школьникам уроки труда, то есть обучая их работе на деревообрабатывающих станках, он начал изготавливать надгробные памятники. С его памятников у нас, можно сказать, началась новая эпоха в этом важном виде ритуальных услуг. При этом Рувин был большим оптимистом, веселым, жизнерадостным человеком. Очевидно, именно поэтому, изготавливая надгробные памятники, он прилаживал к ним фотографии, с которых на вас смотрели только улыбающиеся, смеющиеся или хохочущие люди. На нашем еврейском кладбище появился новый участок, здесь все памятники были изготовлены Рувинком. Ты приходил грустным в этот уголок кладбища и видел, как на тебя смотрит с одного памятника улыбающаяся портниха Роза, с другого - смеющийся сапожник Шимеле, а с того хохочущий парикмахер Йоська... и уходил оттуда в хорошем расположении духа, едва скрывая улыбку от посетителя других участков этого печального места, думая при этом, что, в конце концов, и на том свете, наверное, не так уж пло-

хо. У нас про человека, который был одной ногой на том свете, стали говорить: "Ер шмэйхлт шойн фар Рувинен" ("Он уже улыбается для Рувина").

Наш изготовитель памятников зарабатывал довольно хорошие деньги, раза в два, а то и в три больше, чем его бывшие коллеги, учителя физики, в том числе его, Рувина, жена. Бывая на различных празднествах - то ли на свадьбе, то ли отмечая праздники, - он сидел со всеми учителями за одним столом. И жалея учителей, получавших за свой труд довольно скромную зарплату, говорил им: "Я знаю, как нелегко вам работать в школе, преподавая этим оболтусам такой сложный предмет, как физика, поэтому если кто-то из вас, не дай Бог, умрет, то знайте, что я поставлю ему памятник бесплатно!" Затем он брал в руки свой фотоаппарат и, снимая учителей, просил при этом: "А шмэйхэлэ, а шмэйхэлэ..." ("Улыбочку, улыбочку..."). Шутник!

А теперь вернемся к нашему герою Вове. Он, выехав в Израиль, оставил в нашем местечке маму. Спустя несколько лет после его отъезда мама умерла от инфаркта. Евреи ее похоронили, а Рувин поставил ей памятник. А еще через какое-то время, когда Вова уже имел внука, он решил посетить могилу матери. И вот он стоит у ее могилы, с надгробного памятника на него смотрит, естественно, улыбающаяся мама. Он положил на надгробную плиту большой букет цветов. Сказал про себя какую-то молитву, высказал какую-то просьбу. Потом стал осматривать рядом стоящие памятники. И, о ужас! Прямо в нескольких шагах от могилы матери, по соседству, стоял памятник Мойше, его бывшего соседа заготовителя. А с памятника прямо на Вову смотрел с фотографии смеющийся, закинувший голову назад Мойше. И казалось Вове, что он, его бывший сосед по-прежнему спрашивает: "Ну, Вовэ, сэ вакст, сэ вакст?" - и смеется, смеется...

Наверное, Вова был единственным человеком, который уходил с этого веселого, кладбищенского участка в плохом, подавленном настроении... Больше он на могилу матери не приезжал.

А вы спрашиваете, какая связь между Мойше-заготовителем и "законом сохранения малых величин", открытым Вовой? Между всегда довольным Мойшей и вечно угрюмым, недовольным Вовой...

Перевод автора

Софа ВАРЗАГЕР

Убежище плохо спит по ночам. До утра льется из окон синий, мертвый свет включенных телевизоров, шмыгают из комнат в кухню и компьютерный кабинет девушки в ночных рубашках, пижамах. Не находит себе места, мучается "живой товар" из Европы, Азии, Африки. Их уже успели приучить к тому, чтобы не спать ночами: ночь - самое время для "работы с клиентами". Не один месяц пройдет, пока сотрудникам "Причала" удастся снять эти стрессы. Да и удастся ли?

...Эта девушка - не такая, как другие. Она "рангом выше". Она родилась в этой стране, куда других рабынь привезли нелегально, по поддельным паспортам, а то и просто через пустыню: от шатра к шатру, от насилия к мордобою, к наркотикам - сломать, подчинить, заставить "работать".

А Гила? О, у нее есть все права, она гражданка этой страны, ей бояться нечего. Отчего же и она сторонится дневного света, и ненавидит темноту, и засыпает только к утру под бормотание телевизора и резкий свет лампы под потолком? Чего боится, от чего прячется Гила?

...Ей было только десять лет, когда отец впервые "поиграл" с ней. Сначала и вправду "играл": погладить, пощекотать. Потом было очень больно, Гила закричала, но отец ударил ее и велел молчать. Потом это случилось еще раз, и еще, стало привычным... Она до сих пор задает себе вопрос: знала ли мама? Может быть, знала или догадывалась, но не хотела говорить? Не сказанное - не существует... Ведь Гила была девочкой из очень религиозной семьи, никогда не смотрела телевизор, ее учили чтить родителей, беспрекословно подчиняться им.

Девять душ детей, хронически беременная, усталая мама, неласковый отец, которого все дети боялись до дрожи в коленях, тысяча обязанностей, которые она, как старшая дочь, должна была выполнять. Это тоже стало своего рода обязанностью...

- Я думала: все так живут! - всхлипывает Гила. - Откуда мне было знать, что мой отец, который после "игры" всегда давал мне деньги на шоколадку, монстр? Когда я подросла, он привел ко мне старшего брата, а потом они мне объяснили, что я - тряпка, грязь под ногами, что меня никто никогда не возьмет замуж. А если я посмею хоть слово против них сказать?! Обо мне узнают все, кто ходит в нашу синагогу, меня проклянут, на меня будут пальцем на улице показывать!

Гила не хотела этого, боялась позора, боялась остаться одна. За ней тогда ухаживал парень, не религиозный, светский, но он ей очень нравился. Она и убежала с ним, здраво рассудив, что уже совершеннолетняя, за свои поступки отвечает сама. Искать ее никто не стал.

- Мы поселились в районе старой автостанции, - рассказывает Гила, - и у нас было очень мало денег. Он ведь был не намного старше меня, и мы оба не работали. О свадьбе речи не было. Что я умела? Обстирывать семью (к тому времени нас было уже двенадцать братьев и сестер), мыть полы, посуду, немножко готовить. Но ведь надо было купить, из чего готовить!

ГИЛА

Фрагмент из книги "Имя мое рабыня"

Софа Варзагер - бакинская, член Союза журналистов, лауреат премии "Золотое перо" Азербайджана, член Союза писателей Азербайджана, автор написанных в Израиле книги стихов "Из дальней дали" и книги новелл "Имя мое рабыня". Сразу после окончания журналистского факультета Азгосуниверситета она главный редактор газеты "Нефтяные камни" в городе на сваях, популярный журналист газет "Бакинский рабочий" и "Молодежь Азербайджана", печаталась в "Вышке", "Литературном Азербайджане", актриса молодежного эстрадного театра в Баку и "Театра на Баилове". Софа была в легендарной бакинской команде КВН гусмановского периода, стала дважды чемпионом КВН СССР...

Знали ли вы в доинтернетовский период журналистов, которые не ходили на работу, а летали на вертолете или плыли туда на корабле? А эта журналистка летала и плавала на работу в городок посреди Каспийского моря да еще умудрялась делать репортажи в самых экстремальных ситуациях - при выбросах нефтяного фонтана, при пожарах на скважинах, при земле- точнее, моретрясени. В последние годы Софа посменно работает в Израиле в очень грустном месте с названием "Причал", в убежище для жертв торговли женщинами. Постоянно ощущать чужую боль, всегда быть готовой помочь - необыкновенно трудно. Каким сильным надо быть, чтобы взвалить на свои плечи чужое горе. Женщины обманутые и брошенные, избитые и изнасилованные, обворованные и отвергнутые, нуждаются не только в приюте, но и в поддержке. Русские и эфиопки, украинки и молдаванки, еврейки и эритрейки... Ох! О них, об их тяжелой дороге в Израиль и трудной судьбе в этой стране написана книга Софы Варзагер "Имя мое рабыня". Вскоре книга будет издана и на иврите.

Софа - поцелована Богом. Талантливый поэт, прозаик, журналист... Самое большое богатство, которым тебя одарила судьба, это твое чуткое и доброе сердце. Его хватает на всех: на троих детей и мужа, на друзей, близких и тех несчастных, которых ты опекаешь. Будь счастлива и здорова! Просто будь!

Александр Аграновский, руководитель Иерусалимского отделения "АзИз"

Надо было хоть как-то одеваться, платить за квартиру. Воду, свет, газ - тоже ведь никто не даст бесплатно! А он начал и травку покуривать... Скандалы, скандалы. Уходил, возвращался - все-таки он меня, наверное, хоть чуточку любил. А потом отправил вечером на улицу деньги зарабатывать. И, как отец и брат, перестал считать меня человеком. Так, грязь под ногами... Даже брезговал деньги у меня из рук брать, жестом показывал: на стол положи. Со стола брал, не стеснялся.

Так Гила стала "своей" на старой автобусной станции, у нее появились постоянные клиенты. В притон она, по здравому рассуждению, не пошла: за чем деньгами делиться? "Работала" преимущественно на улице: сама себя в аренду сдавала, сама деньги получала. Позже Гила перебазировалась на скандально знаменитый тель-авивский пляж Тель-Барух. Едва прикрытая юбочкой и майкой, больше напоминающей лифчик, стояла она на обочине дороги, садилась в любую подъезжавшую машину, договаривалась о цене. И, не теряя времени, начинала "обслуживать" тормозившего клиента.

Здесь ее и обнаружили полицейские.

- Ты кто? - спрашивают.

- Проститутка.

Забрали Гилу в отделение полиции, стали допытываться, кто она. Паспорта с собой у нее не было, и пришлось провести ночь в отделении. Утром она все-таки сказала им номер паспорта, и по компьютеру они быстро нашли ее родителей. Но Гила категорически отказалась встречаться с отцом и матерью. Она знала свои права.

- Убила я кого-нибудь? Ограбила? А проституция в нашей стране не запрещена. С кем хочу, с тем и трахаюсь. Деньги беру? Что ж, это тоже дело добровольное: кто хочет, тот дает, а я беру. Какое право вы вообще имеете меня здесь держать?

И психолог с ней работал, и социальный работник полиции, но никого не стала слушать Гила. Долго уговаривали ее уйти с улицы, предлагали любую помощь. Бесплезно. Гила рассмеялась им в лицо и вернулась в Тель-Барух.

Зима в этом году выдалась тяжелая, с дождями, с градом. Гила простудилась и так жутко кашляла, что даже самые безденежные клиенты, те, что промышляют на улицах, боялись "снять" ее: вдруг заразная? Замерзшая, стояла она в подворотне сомнительной наружности дома и заходила в приступках кашля. Здесь ее и заметил полицейский, привел все в то же отделение.

В комнате было тепло. Сидевший за столом человек налил ей чай с лимоном, принес бутерброды, на этот раз принятые Гилой с благодарностью. Снова был разговор с социальным работником, после которого Гила согласилась посмотреть убежища, где живут бездомные женщины. Ей показали убежища для женщин, подвергшихся побоям в семье, и для тех, кто подвергался насилию. Гила смотрела хмуро: везде матери с детьми на руках, везде любопытные взгляды... Нет, нет, качала головой Гила, не хочу сюда.

Напоследок привезли ее в убежище для жертв торговли женщинами. Не знаем, сказали, захочешь ли остаться, нет ли - здесь одни иностранки, нелегалки. Но неожиданно Гила согласилась: на иврите они все едва с десятком слов знают, значит, не полезут в душу, не будут расспрашивать, что да как.

В первый же день Гила устроила скандал: не приносите в комнату еду, я ее видеть не могу! Не так давно, объясняет Гила, словно что-то сломалось внутри, самый вид пищи стал вызывать отвращение. Пару раз в день погрызет какое-нибудь печенье, чаем запьет - и на этом все. Приходила психиатр, милая такая немолодая женщина, долго беседовала с Гилой, дала таблетки, обещала через неделю опять навестить. И психолог приходит. Станным кажется Гиле, что здесь всем есть до нее дело, не привыкла она, что кто-то беспокоится, ела она - не ела, спала - не спала.

- Курсы мне предлагали одни, другие, - рассказывает Гила. - Верите: ни к чему душа не лежит! Потом, может, когда полегче станет... А пока каждую ночь без сна лежу, не смотря на все эти таблетки. С боку на бок ворочаюсь, плачу. Дальше-то что? Телевизор плач заглушает, и то хорошо. Никого не хочу, ничего сочувствия не хочу, будь они все прокляты, и в первую очередь - семейка моя: даже не ищут меня, все равно им!

- А девочки здесь неплохие, смешные, - слабо улыбается Гила. - Приготовят обед, и голову в дверь просовывают, дальше идти бояться! Жестами показывают: кушай, мол, вкусно! И русские есть, и филиппинки, и африканки. Ах, как эти девочки мне завидуют: у меня гражданство, паспорт израильский. Не хочется, ох, как не хочется им уезжать! Здесь жизнь сытная, да и заработать кое-что можно... Молятся, чтобы визу поскорее получить с правом на работу. Молятся, чтобы хоть на сколько-нибудь еще остаться в Израиле!

КАК ЯСИР АРАФАТ МЕНЯ СПАС

Саша ЦЫПКИН

Папа включает на даче канализацию.

Я (рьяно): "Помочь?"

Он (скептически): "В настройке канализации пиарить нечего, листья сгребай и грабли не сломай!"

В 1991 году, вместо того чтобы, как все школьники, сидеть на даче и ждать путча, я был отправлен в Детский исправительный лагерь в Израиль. Ну, в смысле, я поехал к папе на каникулы. Это была моя первая поездка за рубеж. Мечтаний было много, а денег мало, как у всех с серпасто-молоткастым паспортом.

Увидев на первой же израильской бензоколонке жвачку Juicy Fruit и банки Coca-Cola в неограниченном количестве, я впал в экзальтацию и тут же потратил почти все выданные мне в России 20 или 30 долларов. Многим не понять, но я хранил подаренную мне за пару лет до этого банку кока-колы, наливал туда пепси и катался по Ленинграду на трамвае, собирая завистливые взгляды окружающих. В конце концов, группа неевского пролетариата отобрала у меня и банку, и имевшиеся с собой деньги. Я страдал и ностальгировал по куску крашеной жести целый год, а тут их сотни.

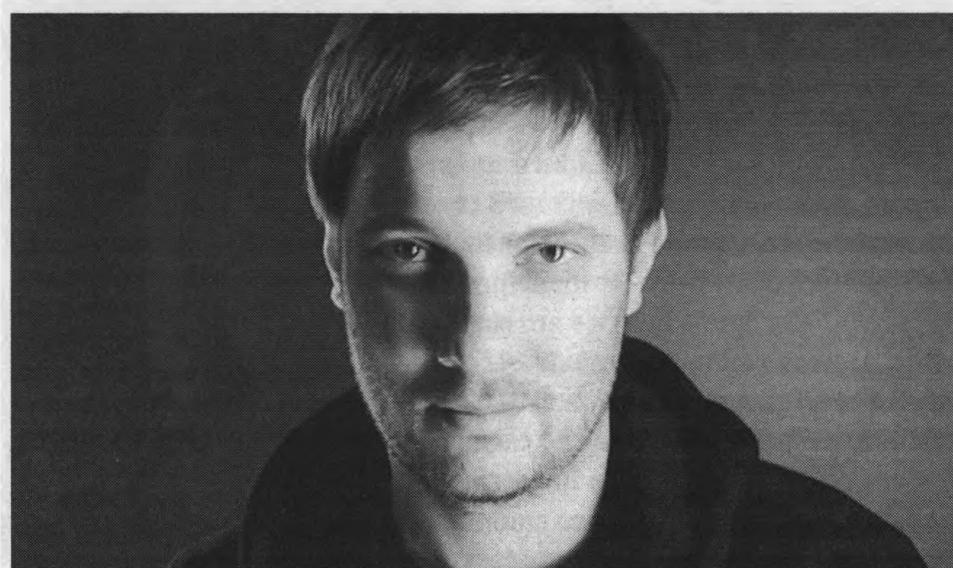
В общем, деньги кончились, а жизнь только началась. Папа, осознав мое психическое расстройство, давал деньги только на музеи, и скоро я стал ощущать себя героем известного анекдота про еврейского мальчика: "Первый день русский, а уже вас, жидов, ненавижу".

Я потребовал с отца "репараций и контрибуций". Папа поступил по шедевальной парадигме "дадим обездоленным не рыбу, а удочку". Евгений Михайлович, даром что врач, решил приобщить меня к коммерции, а заодно выгнать из дому, в котором я почти круглосуточно ел и смотрел телевизор. Он купил сумку-холодильник на колесиках, двадцать бутылочек кока-колы (особый цинизм, зная о моей страсти к этому бренду) и послал меня продавать ее на улицы Иерусалима.

В Израиле чуть не ежедневно теракты. Мне 14 лет. Отцу 33. Вот ведь воля у человека.

Первый день прошел успешно. Я вышел во двор. Сел на скамеечку и начал "грозить Веселому Поселку (мой родной район в Питере), попивая кока-колу у себя в квартале". Так сказать, пошла амортизация основных средств. Раз в час я лениво булькал прохожим "Кока-кола кара" (холодная кока-кола). К концу дня я выпил десять бутылок, продал две. Уставший, но довольный пионер прибыл домой. Папа произвел расчет и сказал, что теперь я должен ему 18 шекелей. Антисемитизм начал пускать корни в моей неокрепшей душе. Я решил, что потомок благородной русской фамилии не будет барыжить на этих кровососов, и сказал, что у меня недопомогание. И тут папа, что называется, ударил в пах.

- Кстати, хочу тебя с дочкой наших дру-

зей познакомить, вот фотография, пригласи ее в кино.

Девочка была не такой симпатичной, как модели в каталоге Quelle, страницы с женским бельем которого составляли основу моей жизнерадостности. Но гораздо лучше большинства тех моих одноклассниц, которые обращали внимание на тощего и локально прыщавого интеллигента.

- Она ждет приглашения в пятницу, и у тебя есть три дня, чтобы вернуть мне долг и заработать на билет. Ну, или я скажу ей, чтобы она тебе билет купила.

"Ну ничего... попроси у меня в старости воды", - подумалось мне.

Папа внимательно посмотрел в мои глаза и решил на всякий случай родить еще двух детей. Теперь у меня сестры. Очень рассчитываю на них в вопросах воды для папы и себя.

В девять утра следующего дня, надев кепку, очки и взяв для себя воду, я вышел на охоту. Я был неуправляем. Вокзал и музеи, синагоги и кладбища. Одинокие полицейские и одинокие бабушки. Группа военных и группа хасидов. Я продавал сладкий лимонад всем и везде. Меня любили и прогоняли. Я понял, что вода идет лучше и продал собственную. Я шел домой пешком, чтобы сэкономить на автобусе. Алчность обуяла меня, но я помнил одно: "Не заходи в Восточный Иерусалим". В школе я вел политинформацию и знал, что израильтяне аннексировали Крым, тьфу, Палестину: вежливо туда зашли, но референдум не сложился. В общем, в Восточном Иерусалиме жили палестинцы и евреев они не очень ценили. Попастъ туда было легко. Более того, часть еврейских районов находилась за палестинскими, автобус пролетал их особенно быстро. Периодически в автобус кидали камнями. Иногда случались и трагедии. Маму папного друга зарезали прямо на улице... Уехала из беспокойной России... Судьба.

Но в подростковом возрасте опасность воспринимается по-другому, биологически организм знает, что жить еще долго и поэтому не боится смерти. Я был из довольно робкого десятка, но иногда терял всякую осторожность.

В общем, я оказался со своим холодильником в Восточном Иерусалиме. Случайно.

Я, правда, не хотел. Просто заблудился. Народу резко поубавилось, прохожие были одеты странно, и еще более странно на меня смотрели. Мне стало страшно. А выхода особо не было. Я носился с долбаным холодильником, как Миронов по Стамбулу в "Бриллиантовой руке".

Смеркалось. "Евреи, где вы?! Вернитесь, я все прощу. Господи, помоги мне". Господь помог. Два араба с мрачными лицами шли по переулку мне навстречу. Я уже тогда понимал, что стану гуру пиара, потому что придумывать отмазы умел как никто. Тем не менее врать о национальности своего отца не собирался. Я вам не Павлик Морозов. Но ведь не нужно сразу кричать, что у меня папа еврей. Можно же просто завести дискуссию в иное русло. Врут бездарности. Таланты находят нужную правду.

Арабы ожидаемо меня остановили. На улице никого. В стране как-никак война. Это вам не про мобильные скорости на ТВ сказку за сказкой рассказывать.

Что-то спросили на иврите - понятно было, что я с другой стороны.

- Языками не владею, ваше благородие, - смысл фразы был чуть иной, но лицо сияло как у Якина.

- Ты кто? - террористы сносно говорили по-английски.

- Александр, - имя не еврейское, плюс 1 балл. - А вы?

Пауза. Не ожидали. Представились. Я долго и крепко жал каждому руку. Переглянулись.

- Ты что здесь делаешь, придурок?

- Кока-колой торгую, хотите вам со скидкой? - глупо хихикнул я. Торговое предложение отклика не нашло.

- Ты хоть знаешь, где ты находишься?

- В оккупированном Израилем Восточном Иерусалиме, - 100% правды, смотри резолюцию ООН.

Арабы подвисли, но взгляды их размягчились.

- А ты сам-то откуда?

- Я приехал из Советского Союза на заработки во время каникул - 100% правды. Нахмурились. Тот, что помоложе, встал слева.

"Бежать теперь некуда. Черт, надо было раньше делать ноги, но тогда бы точно спалился".

- А деньги тебе зачем? - Именно так обычно начинала разговор ленинградская шпана.

- Сводить девушку в кино и купить маме цветной телевизор - 100% правды, мы жили бедно и дома был черно-белый квадрат.

- А мама в России живет?

"Уф-ф, клюнули! Ща должны спросить, кто она по национальности и уже проще будет".

- Да, у меня родители врачи, а врачам в СССР мало платят, хочу маму на старости лет порадовать. - Кроме старости (маме 33), все остальное - чистая правда, плюс я в одной фразе упомянул маму и отца. Таким образом, складывается впечатление, что отец у меня тоже бедный врач в СССР, обычный "пиарный" прием.

- А мама русская? - развязка близка.

- Конечно! - с особым возмущением сказал я. Ждать, пока они спросят про отца, я не стал.

- Она, конечно, переживает, что я здесь, но знает, что я работаю на честных и порядочных евреев (100% правды) и уверена, что мне заплатят. А вы как думаете? Заплатят?

Араб проникся:

- Как повезет, но я бы взял вперед. А то я тут на стройке пахал месяц и ни хрена. А на кого ты рабо...

- А вы не могли бы меня с Ясиром Арафатом познакомить? - нанес я упреждающий удар по выдвинувшимся к Курской дуге немецким войскам.

Мозг арабов застыл, они напомнили мне роботов с планеты Шелезяка. Даже моргать перестали. "Надо добивать".

- Это же герой палестинского сопротивления, я про него в школе рассказывал на уроках (100% правды). Если не возьму автограф, учитель расстроится, - 100% правда. Учитель военного дела так и сказал.

Я смахнул слезу. Роботы начали приходить в себя.

- Да, это наш герой, и мы рады, что есть в мире люди, которые понимают нашу борьбу, расскажи всем в своей школе, что мы будем бороться и дальше! Пойдем. - Один из арабов крепко взял меня за плечо, и мы пошли.

"Если мы идем к Ясиру Арафату, то мне конец, переиграл".

Через пару кварталов, когда холод в моем животе превратился в вакуум, они вывели меня на относительно многолюдную улицу, ткнули пальцем в сторону израильских полицейских и сказали на прощание:

- Не заходи сюда больше, наш советский друг.

Только тут я обратил внимание, что они худы, бедно одеты, а во взгляде какая-то простая усталая теплота. Обычные люди, как мой отец и его друзья в то время. Ну, не врачи они, не так образованны. Не там родились. Не вовремя. Надеюсь, им не пришлось никого убивать, и их не убили.

P.S. Девушка мне не дала. Телевизор я маме купил.

Давид РОЗЕНСОН

Русский язык дал Бабелю возможность в "Одесских рассказах" и "Конармии" несколько раз занять позицию "свой-чужой", усложнив и обогатив понятийную пару русский-еврей. Это не могло не отразиться на советских переводах Бабеля на иврит 1920-х годов и на восприятии читателями творчества автора "Конармии" в Израиле.

Важность творчества Бабеля для израильской литературы попадает в поле зрения самых различных политических, литературных и общественных движений и используется ими в своих интересах - от периода, предшествующего образованию Государства Израиль, до того момента, когда легендарный Авраам Шлэнский великопно перевел на иврит самые важные работы Бабеля.

Но началось это все еще в Советской России.

Ивритская рецепция Бабеля делится на небольшой советский эпизод, связанный с недолговечным сборником "Берешит" ("В начале"), довоенные переводы и статьи и рецепцию Бабеля уже в современном Израиле до 70-х годов XX века.

Первые переводы Бабеля на иврит появились в сборнике "Берешит", подготовленном в 1926 году группой молодых еврейских литераторов в Советской России и изданном в Берлине. Авторы сборника называли себя "Октобераим иврийим", что можно перевести как "Ивритские октябристы". На страницах сборника "Берешит" увидели свет шесть рассказов Бабеля, объединенные в цикл под рубрикой "Заметки". Пять из них были взяты из цикла "Конармия", который впервые издан отдельной книгой в том же 1926 году: "Гедали", "Рабби", "Письмо", "Сидоров" (позже переименованный Бабелем в "Солнце Италии") и "Сын рабби". В примечании к первой странице публикации петитом набрано: "Перевод с русского откорректирован автором" (переводчиком этих рассказов был М.Хьог, хотя его имя в сборнике не обозначено). Это важное свидетельство того, что Бабель мог прочесть художественный текст на иврите.

Сборник "Берешит" остался лишь эпизодом, и после его выхода группа "Октябристов" распалась: кто-то примкнул к власти, кто-то старался держаться от нее подальше, а кто-то покинул Россию. Переводчик Хьог был арестован много позже, одновременно с "делом врачей". Единственная его "провинность" состояла в том, что он был ивритским писателем. Его настоящее имя было Григорий Плоткин; псевдоним Хьог он взял у персонажа книги датского писателя Германа Банга (1857-1912), прозванного "поэтом безнадежных поколений".

Чтобы проанализировать опубликованные в израильской прессе отзывы на творчество Исаака Бабеля, реакция на удостоенный Нобелевской премии роман Пастернака, имевшая место примерно в те же годы, является важным ключом для понимания высказывавшихся мнений.

В своем фундаментальном труде Лазарь Флейшман, описывающий реакцию на "Доктора Живаго" в Израиле, дела-

БАБЕЛЬ И
ПАСТЕРНАК

Творчество Исаака Бабеля притягивает пристальное внимание не одного поколения специалистов. В своей уникальной работе исследователь Давид Розенсон рассматривает феномен личности Бабеля и его альтер-эго Лютова. Автобиографично ли творчество писателя? Как проявляется в его мировоззрении и работах еврейская тема, ее образность и символика?

Кроме того, впервые на русском языке здесь представлен и проанализирован материал по следующим темам: как воспринимали Бабеля его современники в Палестине; что писала о нем ивритоязычная пресса; какое влияние оказал Исаак Бабель на современную израильскую литературу.

В этой связи представляет немалый интерес для русскоязычного читателя и вопрос о том, как среагировала ивритоязычная пресса на "дело" о романе "Доктор Живого" Бориса Пастернака. И поскольку о творчестве Бабеля "Еврейский камертон" писал уже неоднократно, мы решили использовать для публикации главу "Русская литература на иврите", как раз и рассказывающую об этих событиях.

Книга выпущена издательствами "Книжники" и "Текст" в Москве в 2015 году.

ет поспешные и чересчур обобщенные выводы о резко отрицательных откликах израильского читателя на пастернаковскую интерпретацию еврейского вопроса. Возможно, причиной такого вывода Флейшмана является его представление о том, что позиция Пастернака оказалась в этой среде вредной из-за ряда наивных представлений израильского читателя о еврейской литературе Советского Союза в то время.

На события вокруг романа Пастернака и присуждение Нобелевской премии, произошедшие почти на двадцать лет позже убийства Бабеля, советская идеология отреагировала яростью. Вся история с романом была воспринята официальным режимом как оскорбление. Пастернака и Бабеля роднит еще и то, что оба (в отличие от многих родственников и ближайших друзей Пастернака) решили остаться в России после Октябрьской революции.

Пастернак не покидал Россию на протяжении всей Гражданской войны (1918-1920). Подобно Юрию Живаго, он впечатлился большевистским переворотом, но, несмотря на личное восхищение Лениным, которого видел на IX съезде Советов в 1921 году, вскоре начал сомневаться в легитимности и стиле нового режима. Нехватка продовольствия и топлива, красный террор - все это вынуждало людей в те годы, особенно "буржуазную" интеллигенцию, каждый день опасаться за свою жизнь. Марина Цветаева, переписывавшаяся с Пастернаком в двадцатых годах из-за границы, напоминает ему, как встретила его в 1919 году на улице, когда он шел продавать книги из библиотеки, чтобы купить хлеба. Пастернак продолжал творить и заниматься переводами, но к середине 1918 года публиковаться стало невозможно. Единственной возможностью своего рода

"публикации" было публичное чтение текста в одном из литературных кафе или же распространение рукописных копий. Именно так дошла до читателей книга "Сестра моя - жизнь". Она быстро завоевала популярность у русских читателей, подобно работам Бабеля, получившим известность примерно в те же годы. Пастернак стал образцом для подражания у более молодых поэтов, и его стихи повлияли на Осипа Мандельштама, Марину Цветаеву и других.

Но когда Сталин в 1929 году окончательно стал первым лицом в РКП(б), Пастернак еще больше разочаровался в партии и в ее литературной цензуре. Фрондируя, Пастернак продолжал дружить с Анной Ахматовой и Осипом Мандельштамом.

Мандельштам, как известно, прочитал Пастернаку свою антисталинскую эпиграмму вскоре после ее сочинения (в конце 1933 года). Выслушав, Пастернак сказал: "Я этого не слышал, вы этого мне не читали, потому что, знаете, сейчас начались страшные явления, людей начали хватать; я боюсь, что стены имеют уши, может быть, скамейки бульварные тоже имеют возможность слушать и разговаривать, так что будем считать, что я ничего не слышал".

Прогноз Пастернака оказался точным: ночью 14 мая 1934 года, примерно за пять лет до ареста Бабеля, Мандельштам увезли из дома по ордеру, подписанному Генрихом Ягодой.

Почему Бабеля арестовали и расстреляли, а Пастернак остался в живых - загадка. По словам Пастернака, после показательных процессов Якира и Тухачевского в 1937 году руководство Союза советских писателей (ССП) потребовало, чтобы все члены союза подписали письмо с требова-

нием смертной казни для осужденных. Пастернак отказался. Владимир Ставский, председатель ССП, испугался, что его тоже накажут за неподчинение Пастернака. Руководители Союза писателей приехали на дачу к Пастернаку в Переделкино и угрожали, и убеждали поэта, но он по-прежнему отказывался подписать письмо. Однако жена Пастернака, Зинаида, потребовала, чтобы он подписал письмо, обвиняя его в том, что он ставит под удар всю семью. Пастернак тем не менее отказался и стал ожидать ареста. Позже стало известно, что под окнами дома прятался агент НКВД и записывал каждое произнесенное слово.

Тогда Пастернак обратился непосредственно к Сталину. Он писал о своей верности советской власти и сказал, что Сталин может располагать его жизнью. Однако за этим Пастернак рискнул добавить, что не считает себя вправе быть судьей в жизни и смерти других людей. После этого письма Пастернак ждал неминуемой гибели, но, к его удивлению, ареста не последовало.

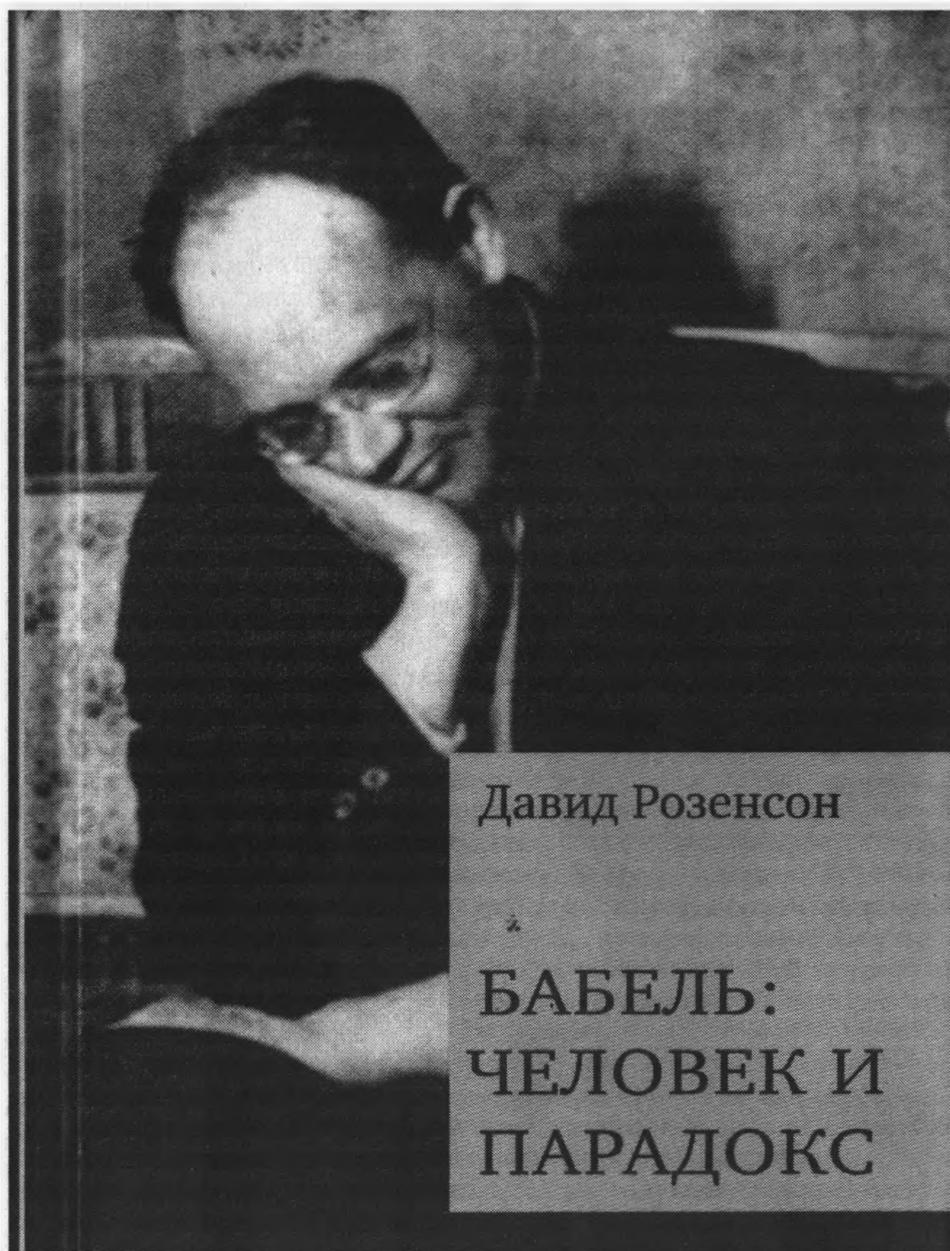
По слухам, Сталин вычеркнул сам Пастернака из расстрельного списка; как говорил сам Пастернак, Сталин сказал: "Не трогайте этого небожителя" (по другой версии - "этого блаженного").

Возможно, арест Бабеля был значительно важнее для Сталина. Существует множество теорий, объясняющих, почему его не оставили в покое, как других. Когда был репрессирован Тициан Табидзе, близкий друг Пастернака, Пастернак написал в автобиографическом эссе (опубликованном в 1950-х годах), что судьба Табидзе и Паоло Яшвили вместе с судьбой Цветаевой стали самым большим его горем. Симон Себаг Монтефиоре в своей биографии Сталина утверждает, что Сталину было прекрасно известно о таланте Мандельштама, Пастернака и Булгакова и что он запрещал публикацию их произведений из страха перед их влиянием. Однако, поскольку Булгаков и Пастернак никогда не нападали на "Хозяина" открыто, их не арестовали.

Ольга Ивинская пишет: "Мне кажется, между Пастернаком и Сталиным происходил безмолвный и необычный поединок".

Через некоторое время после смерти Сталина, в марте 1956 года, итальянская коммунистическая партия направила в СССР журналиста Серджио Д'Анжело, чтобы он рапортовал о происходящих там событиях. Джанджакомо Фельтринелли, миланский издатель прокоммунистических взглядов, попросил Д'Анжело помимо выполнения основной работы поискать новые произведения советской литературы, которые заинтересовали бы западного читателя. Узнав о "Докторе Живаго" Пастернака, Д'Анжело предложил Пастернаку передать рукопись итальянскому издателю. Пастернак в конце концов отдал рукопись Д'Анжело (по словам Д'Анжело, сказав при этом: "Теперь вы приглашены на мой расстрел").

Ни один советский писатель не имел дела с западными издателями с самых двадцатых годов, когда из-за подобных попыток оказались в опале Борис Пильняк и Евгений Замятин.

Давид Розенсон

БАБЕЛЬ:
ЧЕЛОВЕК И
ПАРАДОКС

Публикация "Доктора Живаго" в ноябре 1957 года вызвала сенсацию во всем мире. В частности, роман двадцать шесть недель продержался в списке бестселлеров газеты "Нью-Йорк таймс". Однако общеизвестно, что в Израиле роман Пастернака подвергся жесткой критике за ассимиляционистские взгляды в еврейском вопросе.

Ольга Ивинская сообщает, что, узнав об этой критике, Пастернак ответил: "Ничего, я выше национальности". В общем-то нельзя не принять во внимание, что Пастернак написал спорные фрагменты еще до образования еврейского государства. Известно также, что в то время Пастернак регулярно посещал службы в православной церкви и, возможно, верил, что обращение советских евреев в христианство предпочтительнее их ассимиляции в атеизм и сталинизм.

В целом, за исключением нескольких коротких заметок на первых полосах газет, нельзя утверждать, что фигура Пастернака сильно интересовала израильскую публику. Вероятно, это объясняется политической нестабильностью тогдашней ситуации - в частности спорами об идентичности гражданина еврейского государства и о будущем советских евреев, желающих репатрироваться в Израиль.

В 1958 году израильские газеты начинают реагировать на события вокруг "Живаго" переводом статей, писем и обзоров, которые печатаются в газете "Давар" ("Слово") и других периодических издани-

ях. В газете "Давар" от 31 октября 1958 года были опубликованы две исключительно благоприятные статьи. Автор одной из них замечает: "Впервые в истории советский писатель, еврей, силой своих мыслей и образов достигает масштаба фигуры пророка, жертвующего жизнью и поднимающегося выше тиранов и беснующейся толпы". Еще один из наиболее ранних разумных откликов можно найти в статье, опубликованной 31 октября 1958 года в газете "Ле-мерхав" ("Простор"), в которой отмечается, что на вопрос, за какую провинность советская власть так резко отреагировала на поступок Пастернака, читатель так и не получил ответа.

Следующая публикация, несомненно, станет определяющей в том, как роман Пастернака приняла израильская пресса. В выпуске "Омер" ("Сноп") от 31 октября 1958 года основатель этой газеты Дан Пиннес публикует свою статью "Борис Пастернак - реальность и символ" с красочным подзаголовком "Живаго - вечный жид", отрицающий свое еврейство". Пиннес делает определенные оговорки, рассматривая еврейство Живаго, но тем не менее решительно утверждает: "Для нас в этом романе есть еврейский вопрос. И весьма трагичный. Возможно, именно из-за этого трагического еврейского момента внутренние колебания автора выглядят так искренне. И может быть, именно из-за них Пастернака с недавнего времени привечают в очень разных лагерях".

В довершение Пиннес замечает, что не

кто иной, как Исаак Бабель, рекомендовал Пастернака Пиннесу для сотрудничества в газете "Давар", но Пастернак отказался.

В главе статьи, под заголовком "Стыд и непонимание", Пиннес приводит главные цитаты из "Живаго" по еврейской теме, печально знаменитые слова Миши Гордона, друга детства Юрия Живаго: "Что значит быть евреем? Для чего это существует? Чем вознаграждается или оправдывается этот безоружный вызов, ничего не приносящий, кроме горя?"

И позже, после того как Живаго и Гордон видят издевательства казаков над старым евреем: "В чьих выгодах это добровольное мученичество, кому нужно, чтобы веками покрывалось осмеянием и истекало кровью столько ни в чем не повинных стариков, женщин и детей, таких тонких и способных к добру и сердечному общению! <...> Отчего [властители дум еврейского народа] не сказали: "Опомнитесь. Довольно. Больше не надо. Не называйтесь, как раньше. Не сбивайтесь в кучу, разойдитеесь. Будьте со всеми. Вы первые и лучшие христиане мира. Вы именно то, чему вас противопоставляли самые худшие и слабые из вас".

Позволил ли бы себе Бабель подобные сожаления, став свидетелем того, как казаки убивают его братьев по крови? Он, несомненно, откровенно и жестоко описал бы все зверства, но никогда не подписался бы под основной идеей: жестокий внутренний конфликт Бабеля между Талмудом, страницами Маймонида и Манифестом Коммунистической партии, кризис идентичности не оставлял его ни на минуту. Бабель не собирался бежать от своего еврейства, как советует Пастернак в романе "Доктор Живаго"; он с равной силой поощрял обе стороны, пока они не потерпели окончательное поражение в попытках подавить одна другую.

Пиннес делает вывод, что Пастернак - "еврейский писатель"; 7 ноября 1958 года Йосеф (Томми) Липид публикует в израильской газете "Маарив" большую статью под заглавием "Трагедия человека и литературы. Израильские писатели о деле Пастернака". В этой статье он бросает вызов израильским писателям различных политических взглядов, однако замечает, что они еще не читали "Живаго". Крупные израильские литераторы отказались отвечать, но поэт Александр Пэнн, лично знавший Пастернака, обвинил автора статьи и его коллег в глубоко безразличии к Пастернаку и его судьбе до появления "Живаго".

Израильский писатель, поэт и издатель Авигодор Хамеири видит в Пастернаке наследника Пушкина; Макс Брод называет Пастернака одним из величайших писателей; Изхар Смилянский (С. Изхар), считающийся наиболее популярным израильским писателем того времени, заявляет: "Дело Пастернака возмутительно; его писательская и человеческая судьба возбуждает сочувствие... Нет сомнения, что к его делу примешался и еврейский вопрос, но в этом отношении картина еще недостаточно ясна".

Липид цитирует выдающегося современного еврейского поэта Ури-Цви Гринберга (1896-1981), который - то ли под

политическим давлением, то ли не желая вызвать недовольство критиков в СССР - написал следующее: "Я не умаляю важности дела Пастернака, но здесь и сейчас, в Израиле, нас ждет величие или уничтожение... Я считаю, что все эти "дела", которые нас не касаются, лишь отвлекают нас от того, что происходит вокруг. Это может оказаться роковым. Я не собираюсь заниматься делом Пастернака".

Возможно, шаткое положение Израиля вынудило знаменитого Гринберга написать такие слова, однако многие писатели приняли близко к сердцу дело Пастернака. В ноябре 1958 года в Тель-Авиве был организован вечер в честь Пастернака с участием израильской литературной элиты, в том числе Авраама Шлэнского, Леи Гольдберг и других. Чуть раньше знаменитый Натан Альтерман в своей еженедельной "Седьмой колонке" ("А-тур а-шви") в газете "Давар" от 7 ноября 1958 года "выразил безоговорочную поддержку преследуемому поэту... намекая на еврейство Пастернака и хваля его писательский дар".

Как и в случае с Бабелем, Авраам Шленский восхищался работами Пастернака, ощущал его влияние в своем творчестве и перевел ряд стихотворений Пастернака на иврит. Лея Гольдберг в своих дневниках хвалит Пастернака, да и в целом израильская пресса была высокого мнения о Пастернаке, к тому же фигуру этого нобелевского лауреата использовали различные политические фракции, и его творчество значительно повлияло на израильскую литературу и литературную жизнь.

Исходя из этого, а также учитывая, что в период, когда Бабель получил международную известность, публиковались и попадали в поле зрения критиков также и другие писатели и поэты, в том числе Осип Мандельштам, реакция прессы и литературного сообщества Израиля на жизнь и творчество их "собратьев по крови" становится еще важнее и интереснее.

На основании большого количества публикаций в периодических изданиях можно сделать вывод, что Бабеля в Израиле считали своим и потому пристально следили за его судьбой. В ивритской печати публиковались отклики на любые связанные с Бабелем издания, будь то публикации его произведений в СССР или переводов за границей, полемика по поводу творчества Бабеля или новая информация о писателе.

Бабель служил показателем отношения СССР к евреям и писателям-евреям, поэтому его фигура привлекала внимание с точки зрения политики, идеологии и их взаимодействия с еврейской культурой в СССР. Среди публикаций на иврите особенно важны те, что анализируют художественное своеобразие прозы Бабеля. Эти статьи и заметки, как правило, не останавливаются подробно на политических аспектах, но, представляя Бабеля израильскому читателю, все-таки указывают на еврейские элементы его воспитания, образования и биографии в целом. Однако всех интересуют обстоятельства судьбы Бабеля, столь отличные от многих еврейских и сионистских биографий.

"Не говорите за спиной у людей плохих и незаслуженных слов - лучше сказать прямо в лицо, если даже за это получишь по лицу! Надо стараться понять и поддержать друг друга. Тот, кому вы протяните руку помощи сегодня, поможет завтра вам", - так учил более молодых по возрасту соплеменников известный горско-еврейский поэт, драматург и переводчик Сергей Давидович Изгияев. 24 ноября исполняется 95 лет со дня его рождения, а минувшим летом отмечалась 45-я годовщина со дня его безвременной кончины. В большинстве биографических справок указывается, что на свет будущий литератор появился в Дербенте. На самом же деле родился он в 27-ми километрах от этого древнего дагестанского города, в селении Мюшкюр. Это географическое название, в переводе с языка горских евреев на русский, означает "среди лесов". Первые поэтические опыты Сергея Изгияева относятся к ранней юности, а когда ему исполнилось 17 лет, областная газета опубликовала большую подборку стихов юного поэта.

С 1940 по 1946 годы Сергей Изгияев находился на военной службе, продолжая писать и печататься в армейской прессе. После демобилизации заочно закончил педучилище, и некоторое время работал на местном радио. В 1947 году Изгияев принял участие в Первом съезде молодых писателей Дагестана. Получив высшее образование, с 1961 года занимал руководящие посты в Дагестане. В 1963 году был принят в Союз писателей СССР.

Скончался Сергей в Дербенте, в июле 1972 года, не дожив до 50 лет. При жизни вышли в свет пять сборников его стихов, поэм и пьес, еще два увидели свет после его смерти: "Мы защитники мира", "Песни молодости", "Думы поэта", "Разговор с сердцем", "Судьба и любовь", "Обычай у нас такой", "Стихи и поэмы". Он - автор пьес: "Двоюродная сестра", "Семья Бенямина", "Молодость бригадира". Стихи Изгияева положены на музыку композиторами Ш. Ашировым, Ю.Авшалумовым, Б.Кулиевым. Вряд ли найдется хотя бы один человек среди горских евреев, который не слышал бы песню "Гюльбоор", написанную на слова С.Изгияева Д.Ашуровым. Она стала неофициальным гимном горско-еврейского народа. Эту песню исполняют люди разных возрастов: на концертах, вечерах культуры, на семейных торжествах. В переводах с языков народов Дагестана, с русского и азербайджанского на язык горских евреев проявилась еще одна грань таланта Сергея Изгияева. В общей сложности, литератор перевел свыше 300 произведений, и в том числе, стихи Р.Гамзатова, Г.Цадасы, С. Стальского, А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, С.Есенина, М.Исаковского, Л.Ошанина. В последние годы жизни Сергей Изгияев прилагал большие усилия по составлению и редактированию горско-еврейского литературного альманаха.

Старший сын Изгияева умер в Дагестане, а четверо других его детей и внуки репатрировались и живут в Израиле. На исторической родине еврейского народа в 2002 году вышел в свет сборник избранных стихов Сергея Изгияева "Зиндеи товуш астар" ("Живой свет звезды"). Книга эта была составлена его сыном Давидом-Хаимом, а ком-

ГОРСКО-ЕВРЕЙСКИЙ ЕСЕНИН

пьютерный набор и графику выполнил внук поэта Сергей, названный в честь деда.

На Земле Израила горские евреи свято чтят память своего даровитого земляка. В память о нем устраиваются вечера, на которых звучат стихи и песни этого автора, разыгрываются сцены из спектаклей, поставленных по его пьесам. Исследователи творческого наследия Сергея Изгияева отмечают, что по его произведениям можно с успехом выучить горско-еврейский язык, и этим сказано многое. Подчеркивая связь Сергея Давидовича со своим народом, его с любовью называют "горско-еврейским Сергеем Есениным".

Из поэтического наследия Сергея Изгияева

Отец на могиле сына

Среди частогола кладбищенских плит
Старик над сыновней могилой стоит.
Вот сколько уж лет среди камней
он урюмо маячит,
Вот сколько уж лет грустно
шепчет и плачет:
- Зачем я, отец, пережил тебя,
младшего сына,
И небо к чему над кладбищем

такое прозрачное, синее?
Зачем ты к слезам моим
тих и безмолвен?
Зачем так недвижим?
Зачем так безмолвен?
Тебя пережил я и в том
мое страшное горе,
Как много на свете
нелепиц и глупого вздора,
Как много... как много...
Ты был беспокойным мальчишкой,
Смеялся запоем,
запоем читал свои книжки,
С ружьём уходил на волков и оленей,
Всё делал с задором, охотно, без лени.
Встречался тайком ты
с девочкой любимой.
Теперь она дымом крадётся
к тебе нелюдимо.
И бродит, как тень,
среди могил, беспощадно polegших.
И кто её знает: труднее
теперь ей иль легче,
Садится на холмик твой
чуть заметный, земной.
Вдовой она стала, не будучи часа женой.
Виною тому - в стонах
прошедшая стала война.
О, лучше б в могиле
сыновней лежала она!
Перевод Л.Амирова

Годы

Годы ветром по льду скользят.
Стой, поэт, оглянись назад!
Как корабль плывет полным ходом,
Год за годом идет, год за годом.

Годы - это бурные воды,
Но у вод есть предел свободы.
Человек - словно водоем.
Сорок лет на веку моем.

Чем вы были? Куда стекали?
Бури на море, не в стакане!
Вы друзьями мне были или
Просто так у меня гостили?

Часто вижу в мыслях бессонных:
Сорок лет моих - это сорок
Удивительных оболочек:
В каждой - жизнь моя среди прочих.

Опалила судьба растенья
Смертоносной свинцовой тенью.
Пронеслась война - вьюга злая,
Жизни, словно листья, срываая.

Той отмечен и я войною -
Преждевременной сединою.
Это скорбно легли на плечи
Беды-горести человечьи.

Ну, а будь я другим, безродным,
Безответственным, беззаботным,
Все нашедшим, что люди ищут,
Разве не был бы духом нищим?

Продолжением жизнь богата,
У нее копыта Гирата.
Не придержишь - дело пустое,
Вздыбится и не даст покоя.

Жизнь - не частое равновесье:
Весь я в радости, в горе весь я.
Сорок лет, сорок братьев разных,
И у каждого путь не праздный.

К любимой

Такой, как ты, красивой, недоступной
Я не встречал, не видел, не любил.
Но вот в окно тихонько
кто-то стукнул,
И час мой предназначенный пробил.
Я пленник твой. Казни и измывайся.
Я всё снесу и всё перетерплю.
Кружи мне голову порывом вальса,
И, как Вийону, приготовь петлю.
Сведи с ума и вновь верни рассудок.
Мой день настал. Я принял честно бой.
Ведь я тебе самой судьбою сужен,
И потому я безнадежно твой.
Вернись, как прежде, ветрено и томно.
Плыви ладьей, плыви в ночи луной.
Придет то время, просто и достойно
Я всё же назову тебя женой.